

Омента

9

Тот, кто в условиях обостренной классово-борьбы, в условиях приближающейся последней схватки с капитализмом, пропагандирует в среде пролетариата и трудящегося крестьянства военную грамотность и военные знания — делает поистине большое классовое дело

(А. КОСАРЕВ. Из доклада на IX съезде ВЛКСМ)

1951 г.
ОТ ИЗ
Монумент Гвардия

**Безработица
в капиталистических
странах
вызывает обострение
экономической борьбы**

28 февраля 1931

6 смена

Допризывник-пулеметчик

литературно-художественный и общественно-политический иллюстрированный журнал рабочей молодежи

ОРГАН ЦК и МК ВЛКСМ

Изд. ОГИЗ—МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Ответственный редактор **С. КЭМРАД**

Зам. отв. редактора **В. ЛЕБЕДЕВ**

Заведующий редакцией **М. ЮНПРОФ**

Конники-оформители **А. ДРУЖКОВ и Е. МЕЖБАГ**

Адрес редакции: Москва, Центр, Б. Черкасский, 6, т. 5-67 03

НОЧЬ НЕСПОКОЙНА

ЛЕОНИД ШЕМШЕЛЕВИЧ

I
Травмай прилетает
И я сгоряча—
С налетом
С мороза
Врываюсь в халупу...

Меня из порога встретил рыча
Развернутый радио-рупор.
В комнате было светло и тревожно
(Внимание было на ярость умножено).
Вся брашна из Манта
(Без исключения)
Молчала и слушала настороженно
Общительное заключение.
„Рамзин, энергетика, интервенты,
Генштаб, уменьшенная выплавка
стали...“

Слова, как пули пулеметной ленты,
В прихвостную комнату
С громом
Влетали.
Может быть, где-то
Прошли часы;
Может быть, годы прорчались—
Не знаю,
Нет осязания,
Потеряно зренья,
Но верное сердце мое,
Как весы,
Началось
Меня ненавистью и презреньем...
И когда прекратилась передача Мос-
сков,

И бесстрашный диктор
Пожелал нам
„Спокойной ночи...“—
Я крикнул:
— Диктор!
Вы не правы!
Проступил!
И чорту спокойные ночи!

II
Ребята!
Нам угрожают войной
(Стучат полин сердца).
Ребята!
На стороне стоят
Над страной
Молния
И свинец.

Ребята!
Как ядовитый угар,
Встает динамитная мгла.
Прямая,
Как штык,
Как прицел,
Как удар,
Граница страны легла.
Ребята!
Летит допризывное время
Под красноармейской звездой.
Зарявленный месяц,
Как старое стремя,
Приподнят над ночью седой...
Брата!
Бери скорей винтовку.
От лодушки—к прикладу щену.
Ночь неспокойна.
Наизготовку!
Страна советов на-чеку!

III
Ребята!
Все это черновини,
Все это начало иного дня...
Ведут пятилетку большевики,
Повелители
Хлеба,
Машин
И огня,
Через все рублини,
Через все повороты,
Союзу советов верны,
Ровно проходят
Рабочие роты
На третью смену
Ударной страны.
Рубильник включает в работу станон,
Разец раскрывает металл
По разметке.

Нас темпы зовут,
Сокращается срок.
На штурм!
За решающий год пятилетки!
...Ребята!
Завесами газа стелются войны,
Включайте на высшую скорость
завод!

На страну, бессонница!
Ночь неспокойна.
По лагерю мира
Проходит военный развод.

Периалисты Готовятся

к новым нападениям на страну советов.

Они

кравдуют и нашим границам во всеоружии новой техники.

Мы обязаны

противопоставить им не голый энтузиазм, а энтузиазм

помноженный на военное знание на освоение боевой техники

ЦК ВЛКСМ

2

стратегии

ВЛ. ЧЕРЕВКОВ

Со стен классной комнаты тихого поселкового училища неприязненно смотрели развешенные в ряд портреты в деревянных самодельных рамках. Бывало здесь шумно и раньше, когда рассматривали по комнате звоник шест говорювого ребята. Но эти, что садились на уцелевшие парты сверху, поставив прямо на скамьи огромные, щедро сложенные грязью сапоги, были совсем другими. Целый день с трюхотом входили и выходили они крупными шагами, в которых чудился простор изжогенных полей. Тревожно скрипели спинки парт под тугими пальцами, привыкшими к пожатью жесткого эфеса и тонкой шен нагана. А голосам, уверенным, что их слушают, было по-доброму тесно, — им нужны открытое небо и сотни внимательных ушей.

К вечеру все командиры, каждый для своей части, получили от комбрига подробные инструкции о выполнении намеченного им плана.

Это был правильный стратегический расчет, ставивший в то же время бригаду в чрезвычайное, трудное положение.

— Отступать! — сердито приказал комбриг, тоном обвиняя в чем-то командира полка. — Но так, чтобы это им стало дороге наступления. Только ночью. Не более десяти верст. Днем — ни шагу назад. Бить, когда ползеют.

— Поправки есть? — спрашивал он, объясняя командирам действия их частей.

Посаженный уходя от комбрига Дудка, козаквопка, бывший вахмистр, с широким рыжим лицом и оторванным ухом.

— Поправок нема, а то ж ни да, ни пилотора, — сказал он, пожимая руку комбрига, — ни воян нам, ни мы им рожу в кров не разбеймо...

— Надо разбить, товарищ Дудка, — улыбнулся комбриг.

Комбриг Рине был влюблен в свою бригаду и, казалось, высшей целью своего существования почтал ее благо.

Он на редкость умел руководить вооруженной массой и обладал несравненным чутьем боя. По таким же неуловимым признакам, которые безошибочно наводят охотничью собаку на след зверя, он всегда мог точно определить расположение неприятельских частей. Под его командой бригада до сих пор не знала поражений. Теперь он принужден отступить.

Комбриг остался один.

Лампочка подосветилово мигаала, освещая небольшую часть комнаты, правый выпуклый глаз комбрига, крутую линию носа и рыжеватый, поставленный на-караул-ус. Все остальное утонуло в тени крупной его фигуры, заслонившей лампу.

Дверь тихонько открылась, и в тени возник какой-то комочек.

— М-можно? — спросил слегка заневоженный, но уверенный голос. Комбриг повернулся, и лампа осветила человека в кожаной куртке, подпоясанной ремнем с огромной кобурой.

— В чем дело?

— С-сию минуту, — ответил как-то неожиданно бодро тот же голос.

Человек засунулся, расстегивая куртку, и полез за пазуху.

— В-вог, — развирнул он большой лист бумаги.

Комбриг прочитал и неуверенно протрянул:

— Вы-товарищ Кваша?.. Командированы к нам вторым военкомом?

— Да, — маленький военком дружески беснул глазами.

Ну, что ж, сдаться, — протрянул руку комбриг. — Вы опять будете единственным. Первый военком убит.

Кваша сел. Он был маленьким, кругленьким и очень подвижным. Узнав, что бригада отступает, он весь задергался и соскокши со стула.

— К-как отступает? Но разве это-то возможно?

Комбриг молча кивнула головой. — Кваша дотронулся рукою до рукава комбрига, — но к-как-же? Ш-шакты, рабочие, с-советы... Все это-то отдать снова б-белым?

Комбриг угрюмо пожал плечами.

Через час началось отход бригады.

на пригорке. У самой обочины проселочной дороги, смутно выступили вечеряние двух всадников...

На пригорке, у самой обочины проселочной дороги, смутно выступили очертания двух всадников. Один прямо и высоко сидел на темной лошади, рядом с ним расплывалось белое пятно с хлестком сверху. Это комбриг и военком пропущали мимо себя отходящие всходы.

По дороге в жилкой и хлопкой грязи пропывала темная масса. Казалось, ночь, отрыв черную пасть, выбрасывала этот мерный поток, осторожно гасивший свой собственный шум. Люди говорили мало и негромко. Побрякивало снаряжение. Чуть звякал невольных перекаченных штык.

— Какая рота? — тихо спрашивал комбриг.

Комроты приближался вилотную, всматривался и, узнав комбрига, так же тихо отвечал.

— Комбриг, комбриг... — шестедело по дороге.

Проходила последний вилотный караул.

— Кто там? — спросил грубый голос с дороги.

Комбриг молча осветил его электрическим фонариком.

— Вот мы и один остались, — сказал он с какой-то печалью в голосе, не повораживаясь к военкому.

— Да, — грустно ответил Кваша.

И комбригу и военкому стало неважно тоскливо и пусто.

А в стороне, совсем близка, гулко, беспорядочно и торопливо загремели выстрелы.

Комбриг в темноте нащупал Квашину руку и пожал ее.

Восьмая ночь. Первый настоящий отдых бригады. Кваша с наслаждением вытянулся на походной койке. Спать. Спать. Большие никаких желаний. Глаза словно засыпаны песком. Нет ни одного сустава в разбитом теле, который не ныл бы вкрадливой болью. Спать, ах, как хочется спать после ночи напролет в комнате с зеленым светом! Как просит тело покоя!...

Кваша поднесу руку под голову, скорчился на походной кровати и провалился в черную яму сна.

Прснулся Кваша, как от толчка, и тотчас же вскочил на ноги. В окошке избы нерешительно вползала сероватая предрассветная мгла. Сон еще держал его в мягких лапах, и ему на мгновение показалось, что он где-то в углу полуметровой мареновской мастерской. Но мерно бухали орудия и где-то глухо перекатывалась ружейная пальба. Комбриг сидел на кровати, поправляла растрепанные усы и раздирал рот отчаянной зевотой.

— Завтра подойдем к городу, — сказала радостно Кваша.

— Вернее — пройдем город, — сумрачно заметила комбриг.

— Т-то есть, к-как же это? — Кваша приподняла на локте и востроенным взглядом старался поймать глаза комбрига. — Отдадим б-без боя?

Комбриг отвернулся и процедил сквозь зубы:

— На подступлах к городу укрепиться невозможно...

— Но ведь там же ф-формируется рабочий п-полк! — строго, с упреком сказал Кваша.

Комбриг помолчал.

— Не верю я в это, — угрюмо, пустыми глазами посмотрел она на военкома.

Кваша слез с кровати и приказал руке к груди. Ему казалось, что этим движением он не пустит дальние колокольчьи влюбков злобы, что сразу подкатит к сердцу.

— В-василий Карачк, в б-бригаде большинство рабочих. Они будут д-даться за город, как за собственные д-дома.

Комбриг шумно вздохнул и стиснул руками края койки.

— Поим же, Кваша, — голос его срывался помимо воли, — поим, каким способом является город для измученных нами белых! Они продут в нем по крайней мере сутки. А мы форсированным порядком докатим до главных сил... и бригада будет спасена. Понимаешь, моя бригада поймает! — крикнула он, не сдержавшись.

— Лично Кваша пороволо. Он резко соскокши на пол.

— Ты-вова б-бригада?.. Т-ты хочешь п-передать город белым?.. Я не-не п-позволю! — Он задохнулся.

— Вы арестованы. Прошу сдать револьвер...

Комбриг тот встал, и высокое тело его качнулось под тяжелой фигуркой военкома.

— А я я позволю губить бригаду,—прохрипел он, и судорога мстительна его губ к вискам.

Кваша удивленно вскинула брови, отступила шаг назад и сказала просто:

— Вы арестованы. Прошу сдать револьвер.

Прямо с Путиловского Кваша пошел в бригаду, и это было его первое знакомство с фронтом. Арестован комбрига, он терял надежду и оптимистического восторга, но другого выхода он не видел. Для комбрига город был общими солданием людей в каменных стенах. Для Квашы город с его мощными фабриками и заводами, с шахтами подле него,—был тем драгоценным сплетением в кровеносной системе страны, из которого жизнь города разливается по ее телу. Все его существо, вся прожитая им жизнь вставали на дыбы при одной мысли о судьбе города белым. Иван Кваша несложно, сдохшими глазами,—был тем драгоценным сплетением в кровеносной системе страны, из которого жизнь города разливается по ее телу. Все его существо, вся прожитая им жизнь вставали на дыбы при одной мысли о судьбе города белым. Иван Кваша несложно, сдохшими глазами,—был тем драгоценным сплетением в кровеносной системе страны, из которого жизнь города разливается по ее телу. Все его существо, вся прожитая им жизнь вставали на дыбы при одной мысли о судьбе города белым.

Перед последним переходом Кваша говорил полкам то значительные нужные слова, которые он сам носил в себе. Но странно—он чувствовал, что эти слова вдруг потерял для него самого свою убедительность.

Вглядываясь в земистые лица, из которых неизмеримо трудный поход вылился, казалось, самую ложа к жизни, он понимал, что для этих измученных людей, наступил тот момент, когда всеские слова, не слышние отхода и-покая, терпят свою содержание. Нужен какой-то другой возбудитель, который почти физически разогнал бы уставшую кожу и зажгет бы глаза, потерявшие блеск, тем жертвенным огнем, освещает путь героизма...

К одиннадцати часам ночи бригада заняла позиции в шести километрах от города. Не останавливаясь, Кваша проехал в город.

— Где раб-богий полк?—прежде всего спросил он в губисполкоме.

— Видите ли, товарищ комбриг,—нерешительно начал зав. формирования, оглядываясь на человека с острым лицом и пристальным взглядом черных глаз,—пот и товарищ Фомина скажет... Записалось рабочих больше, чем нужно, но у нас еще не подобран комсостав, обзора нет...

— А я прихоро-расходные книги, неб-бось, уже завели?—резко перебил Кваша и продолжал, вытягиваясь, насколько мог, чтобы стать ближе к его лицу,—скажите ли вам, что у 6-бригады почти нет обора, что к-красноармейцы едва держат винтовку в руках... А ведь мы с-обираемся защищать в-ваш город!

Кваша сердито застучал кулаком по столу.

В эту ночь маленький военком не дал спать большому городу. Он возбудил его весь необычными, грозными и зловещими в почтой гниле звуками фабричных гудков.

Оторопле вскакивали горожане с кроватей. Молодежь, приоткрыта ставни, крутыми лыбынатыми и испуганными глазами смотрела в темноту. Обыватели кричали:

— Закрый! Да закрый ж! Сейчас стрелять начнут.

И обещано добавляли:

— Опять большевиким прокатывают новость что удушили.

Рабочие толпами, мужчины и женщины, по вошедшей в кровь привычке, не зная зачем, сбегали на тревожный клич.

Строгий и торжественный, обвешенный оружием, являлся Кваша с конным взводом поочереди из каждый завод. Соединившись прохрипел уже телефонном с паштаба, он ставил у трубной адыотанта и потом шел к рабочим. Почти совсем не заикаясь, мажча сухойной

и воинственной фигуркой над возбужденной толпой, он опять говорил то простое и важное, что нужно было сказать и что понимали рабочие. Рядом с ним стоял человек с черными пристальными глазами на остром лице. Это был секретарь губкома, металлист, товарищ Фомина.

У Квашы ভালো звелел голос, и глаза сияли уверенной радостью. Он вспоминал забастовки на Путиловском.

Два человека—в разных концах сонного ночного города. У одного очень бледное острое лицо с отчетливым смертельной усталости; глаза слабо прикрыты веками. У другого—особая примета—темная родинка на правой щеке, ближе к уху.

Два телефонные трубки.

Человек с закрытыми глазами:

— Алло! Это—я.

— Саушаю, товарищ Фомина.

— Когда пока будет в боевой готовности?

— Комполка все еще нет, омулудирования тоже, патроны не отпущены...

— Я спрашиваю, когда?

— Не раньше, чем послезавтра утром.

Человек с острым лицом открывает глаза, черные, пристальные большие, смотрит на свое лицо в углу. Молчит.

Человек с родинкой недоумевающее жмется.

— Алло! Вы у телефона?

— Да. Я принимаю командование полком.

— Саушаю, това...

— Я вас расстреляю.

Человек медленно бледнеет, родинка резко выделяется темным пятном, трубка начинает мелко дрожать.

— Чтобы пока выступил сегодня на рассвете. Это—ваше спасение.

— Слушаю, това...

Человек с острым лицом бросает трубку, снова закрывает глаза и устает качать голову на стол...

В эту же ночь Кваша облекзал позиции.

Он тихо осведомлялся, где комбаты. Если узнавал, что тот спит, вызывал дежурного. Подробно расспрашивал. Иногда на пути от одного участка к другому засыпал в седе, упираясь подбородком в грудь, и вставал только из стреляя.

У Квашы сердце в эту ночь было огромное, переполненное любовью, жалостью и еще каким-то чувством, которое Кваша не знал как назвать. Было это что среднее между умилением и восторгом. Вот так взяла бы, раскрыла бы руки и обняла всех этих, таких близких людей, все это истраивающую подчиненную ему бригаду, защитив бы ее от застрашного неизбежного.

— Возле блока слабо,—подумал Кваша, ложась перед самым рассветом,—ну, да сюда не доберутся,—ушлили он себя и, вздрогнув, заснул.

Очень скоро его разбудили.

Взрыв цепей безах шли в атаку по всему фронту.

Уже гремели с обеих сторон орудия. В открытое окно порывали ветра отчетливо доносилась яростная ружейная стрельба. На рязные лады тревожно и настойчиво пиал из соседней комнаты полевой телефон.

Кваша оттолкнул телефониста, бросился к трубкам и поочередно вынул командирских боевых участков.

Пока все как следует. Атаки отбиваются. Красноармейцы держатся стойко. Лишь бы продержались, сколько нужно. Теперь—город.

— Алло! Штаб раб-богий полк! Алло! Алло!

— Соедини-ица,—гнусавил трубка сонным, недосыпным голосом.

— Алло! Алло! Барашки, штаб раб-бо...

— Соединица, я уже вам сказа-ала,—противно тнет трубка.

— Не отвечай!

— Значит, ничего нет. Такая рань,—выводит Квашу из себя трубка.

Алло! Т-товарища Фомина! Товарища Фомина-а!

— Слы-ну. Телефон испорчен...

Кваша в бешенстве швырнул трубку. Хорошо, если б она угодила в голову этой барышне!

Он выбежал во двор и вскопчал на осодавленную лошадь.

За окошечки слева Кваша остановился, подждаа адыотанта.

Город раскинулся перед ним. Грестся спокойно на солнце, еще не проснулся. А там, за синной Кваша, откуда несется непрерывные звуки боя, умирают сейчас люди за благопокуше этого города, за то, чтобы снова задымили эти вот трубы. Кваша поднес бинокль к глазам. Вон у самой реки, словно узел, завязанный на шее города и проткнутый булавками трубами, густо застроенное место. Кваша знает, что это рабочий центр—патронный завод с целым горожком вокруг него. Вот эта улица, что выходит прямо на шоссе—Пролетарская...

Подъехавший адыотан тронул Квашу за локоть.

— Наштаб велаа передат,—сказал он тихо,—что две роты потерелись вступили.

— О!—вдруг вскрикнул он, вцепившись в военкома.—Смотрите! Смотрите!

Кваша удивленно повернулся к нему, увидел бледное перекосенное лицо и быстро взглянул вправо от огорода. Лихорадочно рвануло снова бинокль к глазам, он почувствовал, что сам бледнеет и у него зудят ноги.

Со стороны болота, распластавшись по воздуху, неслась прямо на село широким карьером конная масса. Сверкая клинки, беспечно мялись всадники, и застылише Кваше на миг даже показались, что это—я кино.

— Я кино!—пронзительно закричали сзади, и через секунду ордinarieе уже не было за синной Кваша.

В тот же момент казаки стали забирать круто вправо—к городу. Кваша в бессильной ярости скривнул зубами. Дьявольский план! Захватить вражеской рабочей полки! Тогда бригада окажется между двух огней.

Кваша опустил бинокль и тоскливо посмотрел на остававшегося с ним адъютанта. Сказать ему, чтобы выслал Духду с его эскадронами? Но уже поздно, поздно!

По ушине села слышался топот бегущих людей, рвались крики и гулко щелкали выстрелы.

Кваша весь мучительно напрягся. Ну, скорей! Что-то нужно предпринять. Но что?

В голове стало пусто и звонко.

Разве можно теперь что-нибудь сделать, когда уже все погибло? Бригада отступает. До нее докатится паника, и тогда...

Рука Квашин машинально полезла в кобуру, он даже не сознавал этого.

— Что это? Смотрите!— снова впился в него адъютант.

Он еще здесь? Что уж там смотреть? Кваша поднял на адъютанта равнодушный взгляд...

— Да поглядите же!— адъютант схватил его за плечи и повернул к городу. И Кваша весь zdrожава, впился в бинокль.

Из открытого горла Пролетарской улицы, как из каменного мешка, пачками сыпались черные фигуры. Тотчас же они вытягивались в шеренги вдоль домов.

Передние, сверкнув острыми штыков, сразу сделались ниже. А, это они упали на колени!

— Рабочий полк!— в диком восторге крикнула Кваша и подпрыгнула в седле.

Сдержат ли? Он перевел взгляд на конную лаву.

Соединенные зайчиками поблескивают подковы. Остановилась лошадь. Соскочил казак и поймал луч солнца на шашку, вкладывая ее в ножны. Кваша упрямно следит за ним. Он повзвился над боком лошади, потом снова впрягнул в седло и, изгибась по обе стороны лошади, замелькал нагайкой. Опять перед Квашиними глазами полуогнутые спины.

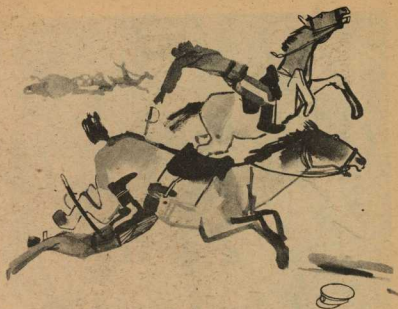
— Оттого, что согнуты, погонов не видно,—соображает почему-то Кваша.

— Да что ж они м-медяты!—крикнул он в отчаянии.— С-с-минут ведь их!

В то же мгновение разом опоясались огнем черные ряды, взметнулась полоса дыма и долетел трескучий звук залпа. Еще. Еще. А в промежутках:

— Та-та-та-та!—пулеметы.

Там—смятение. Остановились. Вздыхались. Падают. Назад! Нестовым галопом назад. Вдогонку— ураган свинца. Повернули

Там—смятение. Остановились. Вздыхались. Падают...

к болоту, чтобы мимо него. Но тогда сразу с двух сторон два вихря. Это—Духнины эскадроны.

— А-ах!—слабо вскрикнул адъютант рядом с Квашей.

Врвались. Заблестели, поднимаясь и опускаясь, стали. Несколько секунд—и снова те назад, но уже не к рабочим, а прямо в болото.

— Так! так! Хитер Д-дудка, подлец! Н-не давай улзнуть! В б-болото их! В б-болото!—Это кричит, опянев от радости, Кваша.

Он уже на шоссе. Лошадь несет. Адъютант скачет рядом.

— М-милые мои, родные! Н-не выдали!—может только шептать потерявший голос Кваша.

А рабочий полк, вытянувшись в колонну, уже отбивает шаг по шоссе навстречу обезумевшему от радости воиному.

— Т-товарищ Фомин... д-дорогой!—Кваша поддетает на лошади к командиру полка.

А тот, кивая под козырек, радостно и гордо сказал:

— В ваше распоряжение, товарищ военком! Куда прикажете выступить?

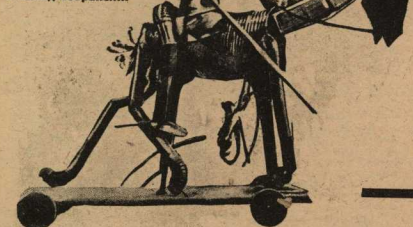

**Рабочая
родина родин,
трудом
непокорным
гуди.
Мы здесь,
мы на-страже,
и орден
привинчен
к миллионной груди.**

Вл. Маяковский

СОН СТАРОГО ГЕНЕРАЛА

Людендорф
в поход собрался...

Фельетон
Д. ЗАСЛАВСКОГО

Генерал фон Людендорф спит плохо последние дни. Ему снятся тревожные сны. Он мечется и бредит. Проснувшись с разбитой головой, он садится и пишет. Недавно вышла в свет его брошюра. Дрощь пробегает по телу от одного заглавия. «Мировая война грозит нам!»—восклицает старый генерал. И в большой германской буржуазной газете «Берлинер Тагеблатт» другой генерал, Бертольд фон Демлинг, подтверждает: «Да, старый Людендорф прав. Мировая война стучится в двери Европы».

У генерала фон Людендорфа—историческое имя. Он был командующим западным фронтом германской армии во время империалистической войны, а потом начальником штаба у генерала Гинденбурга. Военный авторитет Людендорфа стоит очень высоко в генеральских кругах всех стран. Хотя генералу пошел уже, и довольно далеко зашел седьмой десяток лет, но он все еще крепок и бодр. Он остался, как и был, наихристином. Официально он стоит в стороне от фашизма, но относится к нему сочувственно. И вполне ненавидит он коммунистов. В своих двухотных воспоминаниях он ответственность за поражение Германии,—следовательно, и за свой личный провал,—возлагает на большевиков, которые спугали все его великодушные планы.

Теперь старый генерал не у дел. Но он зорко следит за событиями и расценивает их по-своему, по-военному. В своей брошюре он рисует ход мировой войны. И пусть он даже говорит чепуху,—неудивительно прислушаться к тому, что говорят ныне старые генералы. Большевики всегда разоблачали ложных пифиристов, которые успокаивают рабочий класс мелодическими песнями о мирных конференциях, о миролюбивой буржуазной правительств, о том, что никто на капиталистическом Западе сейчас не думает об интервенции против Советского союза. Далин слово старому генералу, которому и во сне не дает покоя кошмар большевизма.

Мировая война рисуется генералу Людендорфу в виде столкновения двух враждебных друг другу союзов. На одной стороне—Франция, Бельгия, Польша, Чехо-Словакия, Румыния, Югославия. На другой—Италия, Австрия, Венгрия, Германия, Англия, Турция и... Советский союз! Не будем прерывать старика криками с мест и смехом посреди реки. Пусть высказывается.

Так вот, складываются два союза, и в первую же неделю от Берлина почти ничего не остается. Такова сила современных воздушных атак. В развалинах лежат и другие города Средней Германии, потому что все армии направляются преимущественно в Германию и она является всеобщим театром войны. Главное сражение между французскими и итальянскими войсками разгорается в Южной Германии на восточных Дунае. У Гамбурга в это время концентрируется английский десант и вместе с германским рейхсвермом идет на Бельгию. Чехи нападают на Саксонию, а поляки на Восточную Пруссию. Но главные силы польской армии вместе с румынами дают отпор Красной армии на советской границе. После первых трех недель войны от Германии, в сущности, ничего не остается. Население начинает вымирать от голода и болезней. Прекращается всякий подвоз продовольствия. Гибнет вся германская техника, вся германская культура.

Но и в других воюющих странах положение не лучше. Всюду воздушные атаки наносят неимоверные удары населению, сеют разорение и гибель. Остаются заводы, затихают электростанции. Прекращается снабжение воюющих армий снарядами, снаряжением и продовольствием... Война заходит втупик. И тогда, говорит генерал, всюду под влиянием коммунистов население

восстает против войны. Виновников войны и поджигателей ставит к стенке и расстреливает. Во всех странах происходят кровавые революции. Гражданская война свирепствует одновременно с войной на внешних фронтах. И в результате—нет победителей и побежденных. Есть только побежденные. Европа проваливается в культурное небытие. Непонятно даже, что же остается на ее месте... Какая-то географическая дыра. Старый генерал видит во сне эту страшную дыру, и ему кажется, что он летит в нее. Он просыпается тогда весь в ховодном поту. И потому брошюру он заканчивает не спешит с войной!

Повторю: серьезно спорить с генералом не приходится. Он не то, что ничему не выучился со времени своего поражения. Но у него образовалась в голове совершеннойшая каша из старого и нового. Он попрежнему представляет себе войну в старом виде—как столкновение двух империалистических союзов, при чем он чудовищным образом включает Советский союз в одну из империалистических комбинаций. Это, конечно, вздор. Империалистический блок складывается теперь совсем по иной линии—капиталистических государств против Советского союза. Новая мировая война выступит прежде всего и реальное всего в облике новой интервенции, как открыто классовый поход капитала против первого и пока единственного государства рабочих и крестьян. Но вполне вероятно, что в условиях международной капиталистической гонимости, конкуренции и военного соперничества империалистические державы передурились и между собой. Откуда ни зажгит Европу,—с восточного или западного ее угла, а разгорится непременно мировой военной пожар. В этом отношении генерал Людендорф прав, и картины войны, которые он рисует, не фантастичны.

Интересно и ново для генерала, однако, не то, как он рисует эту мировую войну, а как представляется ему ее неизбежный конец. Впервые в военных планах генерала старой школы гражданская война выступает как реальный фактор и притом наиболее могущественный. Война империалистическая перерастает в гражданскую войну—это начинают понимать и старые генералы. Победителями во всех странах оказываются в конце концов коммунисты. И это для генерала перспектива столь страшная, что дальше он видит только гибель и страшную дыру. Последняя реалистическая картина в его пророческом видении—это как виновников мировой войны и поджигателей ставит к стенке. Дальше фантазия генерала отказывается действовать. И тогда, ему кажется, что гибель последнего генерала—это и гибель всего мира.

Он и в этом ошибается. За расстрелом генералов, министров и других виновников войны, за ликвидацией буржуазного господства начинается совсем новая эпоха. Людендорфу и ему подобным кажется, что на том месте, где была царская монархия, и сейчас только страшная дыра буржуазии дыра. Разве в самом деле это не крушение культуры, когда у власти оказываются рабочие, когда крушение ликвидируется как класс и начинается социалистическое строительство, расцветает новая, пролетарская культура?

Брошюра генерала Людендорфа ярко говорит о настроениях нашей эпохи. Буржуазия не может скрыть своей тревоги. Она жаждет интервенции, которая покоячила бы с невыносимым для нее кошмаром большевизма, и она в то же время боится войны, в которой неизбежно заложена революция и гражданская война, несущая гибель всему старому миру.

МЫ

заверяем тебя, тов. Ворошилов,
что

как в былые годы
гражданской войны
беззаветно дрались
под твоим руководством
с врагами,
так и теперь
сделаем все,
чтобы Красная армия пролетар-
ской революции
была первой в мире
не только по своему высокому
боевому духу,
но и по технической мощи

из приветствия ЦК ВЛКСМ тов. Ворошилову

побежденные — победители

В. ТУРОВ

(„не отдадим часы“)

В пикт неспокойно. Волнуются батареи. Вивочник — часы. Висят они на большом стоде, рядом с полковым знаменем. Часы круглые, в большой шестигуговой дубовой раме, с аршинными проржавевшими стрелками. Часы — переходной прие. В прошлом году их доблала десятая батарея на артиллерийских состязаниях. Вокруг них и развернулось соревнование.

...Трехмесячные сборы переменников подходили к концу. До полковой проверки батарей остались две декады... Одна... Три дня... Когда лад восьмой последней палаткой десятой батареи вилзился красный флажок — ударны решала: не отдавать часы на состязания! Вторая батарея заявила: «Мы возьмем часы!» Восьмая батарея хвастается: «Часы достанутся нам». Взять часы стало стремлением всех батарей. К чорту отдых. Десятая зурбит уставы, день и ночь возится около гаубиц. Восьмая батарея на рысках выскакивает в поле, сбрасывает орудия с передков: бум, бум! Вр-ррр-р-ах! Бу-бу-у-уу!

...Завтра первый этап испытания. Десятая батарея уже наловчилась отлично наводить по целям, восьмая быстро стреляет, вторая точно попадает.

Состязания начались. Десятая батарея на плац выехала последней. Ее замкнула широкий круг возбужденных истерпевших лиц бойцов. Инспектор, упершись взглядом в хронометр, отчаянно резко бросил команду:

— Слезай!
— Вмиг верховых смыло на землю.
— С передков!
Гаубицы отцеплены, сняты на землю.
— К бою!
Это — приготовить орудия к выстрелу, снять чехлы, вставить паропаму, нацепить шуры на замок, опустить щиты. Только слышен стук железа и торопливый шопот:
— Садовник, Садовник, подкрути выше...
— Ай, закрытый скорее. Кричи готово.

Щелкнул замок. Рядом вытянулись снаряды — черные чулки с медными рыльцами. Бойцы замерли на месте, а наводчики дождаются:

— Первое орудие готово.
— Второе орудие готово.
— Третье готово.
Чудеса! За 25 секунд исполнена команда.
— Все! Р

Орудия ставят параллельно, наводят на общую цель. И опять крики:
— Готово первое.
— Второе готово.
Любовались зрители и говорили: «Ну, и молодцы!» Все команды, начиная с подготовки и кончая выстрелом, батарея выполнила за 1 минуту 57 секунд. За это время, достаточное только для того, чтобы хорошо зануть, бойцы продавали десятки самых сложных движений. Руки «мозгоров» мелькали как у тренированного фокусника, исполняющего сложные номер. На одного лишнего движения и толчка.

Победила десятая! Восьмая и вторая отстали, перепутав команду. Десятая батарея по всем показателям превзошла контрольные цифры.

Цифры — время, а время в армии все. В бою победит армия хорошо слаженная, умеющая быстро выподнять команду. Десятая батарея дала показатели, каких достигают только кадровые красноармейцы после двухлетнего обучения. Вот средние цифры десятой батареи: наименьший приезд измерен за 18 секунд, вместо 20 по контрольным цифрам; команда «отбой» сделана за 23 секунды, вместо 35 по плану; бусьель (прибор для измерения углов на местности) собирается в 18 секунд, вместо 30. И только в седловке коней отстали. Амуницию на коня одели за 1 минуту 23 секунды, вместо нормы — 1 минуты. Но самое поразительное — наводка телефонной линии. На проводку линии длиной в 18 секунд, вместо 20 по цифрам — отводят 8 минут — связисты делают за 6. За 16 минут они проводят телефонную линию длиной в 3 километра, а план отводит 20 минут. Эта изумительная быстрота будет понятной, если мы добавим, что за 16 минут обыкновенный человек проходит шагом 1.000 метров, т.-е. телефонисты шли в три раза быстрее.

Десятая батарея — победитель. Однако она самая лучшая в полку. Остальные девять идут наравне с ней. Все полк ударный. Могучая деннская зыбка — соревнование — перебрела в сердцах всех бойцов полка, дав невиданные темпы боевой подготовки. В этом году впервые в истории полка шесть батарей переменников перевыполнили контрольные цифры, достиг по показателям полковую школу. Трехмесячный план боевой учебы полк выполнил на 23 дня до срока. Это сократило ровно на 1/5 время, отведенное для учебы по плану. Что это, как не своеобразное воплощение лозунга партии «пятаячка — в четыре года»?

Бейте в цель без промаха

Воскресенье началось с тренировки — второй и решающий этап учений. Все прежнее — шашетка, походы, забурка установок, ночные тревоги — только начало боевой тренировки. Главное — уметь ли батареи бить в цель без промаха? Готова ли она выступить на защиту советских рубежей?

Боевая стрельба батарей — как заключительная и самая трудная часть концерта. В самом деле: в большом хоре есть и басы, и альты, и дисканты. В каждой батарее четыре подразделения: разведка, связь, огневки и тяга. Около двух месяцев каждая из них в одиночку изучала свои обязанности, а потом их действия соединили — машину надо провезти на полном ходу. В хоре дирижер сводит в строение, красивые звуки голоса десятков людей. Но что будет, если бас опоздает на спектакль или взрывает фальшивой нотой? Концерт провалится. И в батарее так. Разведка ищет неприятеля. Она измеряет точки огневой позиции, связисты проводят телефонную линию от наблюдательного пункта до батареи, а огневки заводят установку. Если все быстро и точно выполнены свои обязанности, от неприятельских блиндажей в десять минут останется куча сора. Но что будет, если в бою растеряется телефонист или разведчик, если наблюдатели на минуту забудут передать батарею угрозю? Цель — неприятель — двинется и снаряды достигнут мило. Только хорошо слаженные отделения дают подвижную батарею. Одно отделение без другого ничего не стоит. И вот теперь проверили: как батарея умеет поражать цель? Умеет ли перемещать и управлять орудием?

В полдень в батарею прискакал посыльный, ямочка передала командир Смирнову большой белый пакет и серкала. Смирнов рванул друг пакета, мелко прочел бумажку и вскричал, крикнув отделение командиром:

Тревога! Стройте людей на позицию!
Младшие командиры выскочили из палаток и закричали:

— Выходите!

— Становись!

На ходу подтягиваясь, застегиваясь, выбегали бойцы. В несколько минут выгнулись две стены тел. Командир батареи стал перед ними и сказал:

— Слушайте боевой приказ! Десятая батарея немедленно занять позицию, что правее Масловки, обстрелять цель по карте. Запомните — цель мы не будем видеть, значит нужно особенно тщательно делать установку. Надо выпустить 10 снарядов по 4 в минуту. Срок — половина часа. А теперь по местам и на позиции!

Через десять минут далеко по степным просторам покатылся грохот и лягу. В окопных сотен подков, в клубках пыли мчались десятки.

Стоп! Батарея выстроилась на опушке. Рядом стоят три орудия соперницы — второй батареи.

Началось сосисание. Лошадей поставили без упряжи. Шаю, хомут и седла сложили рядом. Людей отвели из пять метров в сторону. Инструктор крикнул:

— Запрятали!

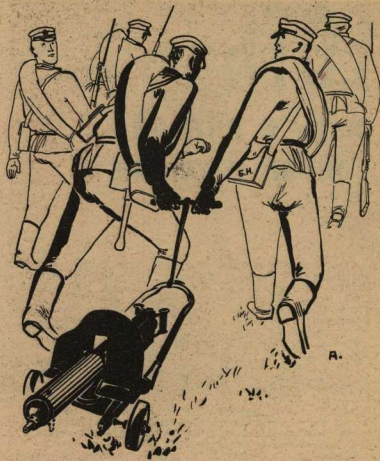
Все бросились к лошадям. Корзинки и передние уносы, удамелые подвешенные вадур суетой, вероятно, фиркурили про себя, смешиво. Нег никакой тревоги, а люди прыгают, словно чужие поджаривают пятаки. В воздухе мелькают уздечек, торопливые движенья рук. Сбору напаяли, затягивают, задропуживают. Ездовые напаяли хомуты и уздечку — одна минута... Подружки затянули, седло на спину — две минуты... Шаю под хвост, уздечки в рот...
— Готово, десятая батарея, — кричит командир Оренко.
— Есть! — стрелка секундомера у инспектора остановилась торопливый бег. Карандаш судей записал: 2 минуты 25 секунд.

— Готово! — доносится от другой батареи.

У инспектора другая отметка: 2-я батарея команду выполнила за 2 минуты 40 секунд. Отстала на 15 секунд от первой.

Потом батареи встали орудия в окопы, замаскировали их. Наводчики зыркули взад — в бок, подвинули уломер, уровень, потом дернули за длинные шнуры, и остальные два дала харкнули кусками чугуна.

Снаряды глухо рванули за бугром. Две Денасвики, белаядежные, начал торопиться. Шахунов вертется воячком, проворно выдвигая дымную пилу, комментально вставляя новый снаряд, а остальные... Вечером рассказывая о стрельбе, командир батареи Соколов не находил слов для описания работы огневки.

Перебени

— Молодцы, ей-богу, молодцы! Я уже восемь лет команду батарею, но такой активности еще не видел. Чортovsky здоровой! Они все — командир занулся — ну... ну, больше сердца...

Батареи стреляют. Над орудиями поднимаются громады. Копоть. Лица свеаают горячие волны воздуха, а в ушах от беспрерывных выстрелов тиняныция. Десятая победила на запряжке и выполнила задание по стрельбам — ровно в минуту выпущено ровно по 4 снаряда. Ни и вторая не отстала, да кроме того у нее лучше в полку наводчики.

Какая батарея будет первой?

Кто возмечтает?

Разгадай — за хомутки, там, где ложинся снаряды. Стрельба уже скончалась, но напряжение не утихло. Одни спорят, удерживают друг друга в промахах, Гуревич и Рабенко чуть не плача умоляют отпустить их проверить разрывы снарядов.
— Едут, едут, — закричали все.

Вали показалиась группа всадников — инструкторы и командиры, седлане проверить результаты стрельб. Решающая минута! Все пригнули, с нетерпением следят, как приближается группа.

Соколов — командир десятой батареи — прискакал к мишенью асселый, а возвращаясь низко опустив голову. Ему стыдно смотреть в лицо бойцам. Чорт возьми! Он позицию поддал команду «вер!» — один снаряд пролетел мимо цели. Вторая батарея все снаряды забросила в круг, вырвал в земле много воронок. Если бы там был большая деревня, от нее остались бы только щепки и кровавые куски.

Инспектор объявил результаты стрельб: часы присуджались второй батарее. За ней идет десятая.

В десятой огневке. Не выжили носов, друзья, не выжили себя уклады упреков. Огизитесь — вы сработали славное дело. Побожденные — победители! Побожденные потому, что отдали часы, победители потому, что настроили учебю всего дивизиона на удариные темпы. Десятая батарея первая подхватила и развила идею удариности. Это отметили и командование полка. Командиру десятой батареи выданы часы с монограммой: «За образцовое командование». На большом щите, висевшем над главной линейкой, выписаны строки из приказа по полку:

«За стрельбу 30 августа объявить всему личному составу десятой батареи благодарность Командир полка Т и Т»

Трехмесячная учеба закончена. Запланированные с несчастью возмарились батареи со стрельбы. Касимову бросился в глаза огромный квадрат щита, прибитого у входа в лагерь, буквы из которого крепко идишьны в его мозг и как бы подвели итог всем возмариленным и заботам:

«Самое замечательное в соревновании состоит в том, что оно превозводит в труд, ибо оно превращает труд из авзорного и тямлого бременя, каким он считался раньше, в дело чести, в дело славы, в дело доблести и героизма».

«Нас побьют, побьют хвоями...»

ЕСТЬ —

БЫТЬ В ПОЛНОЙ БОЕВОЙ ГОТОВНОСТИ

СНАЙФ

Нам, военным морякам, часто приходится беседовать с рабочей молодежью по вопросам обороны. Обычно эти беседы вызывают большой интерес ко всему, что имеет касательство к обороне, но столь же обычно и какое-то странное недоверие к «разговорам» о том, что военное нападение на СССР — дело ближайших лет, а может даже и месяцев.

Посмеивались:

— А через минуту не появятся над нами неприятельские самолеты?

И мы совершенно серьезно отвечали:

— Не исключена и такая возможность.

Слова посмеивались:

— Вы, военные, и во сне, наверное, слышите сигналы боевой тревоги?... Конечно, нападут... Но не сегодня и не завтра...

Ну вот ты, читатель, ты ведь тоже, слушая беседы об обороне, думаешь, что такая уж обязанность военнотомов — «страшать» запахими близкой войны, как сказала мне одна комсомолка?

Теперь, когда к делу № 38 подшит последний документ — приговор верховного суда, когда показания Рамзина, Ларичева, Федотова и других «вождей» «промпартин» зачитаны до дыр, теперь все знают, что разговоры о близости нападения — не измышления военнотомов, что один из сроков этого нападения — 1931 год — еще впереди.

Нам, морякам красной Балтики, советская страна поручила охрану одного из ответственных своих рубежей — морские подступы к Ленинграду, как раз тот путь, который является одним из основных в раскрытых ОГПУ планах интервенции. Мы бдительно следим за этим путем, за тем, что делается в Балтийском море.

И, основываясь на том, что происходило ежегодно летом в Балтике, мы говорили на военно-морских кружках, что нападение на СССР со стороны моря — вполне реальная перспектива самого ближайшего будущего.

Напомним: десять лет назад, в 1920 году, из Балтики ушли корабли Англии, которые пробили здесь четырнадцать месяцев, осуществив блокаду Ленинграда и пытаясь разгромить Красный флот. 72 лучших корабля Англии оказались бессильными в борьбе против двух десятков потопленных советских кораблей. Понятно: для победы мало иметь только пушки. Надо иметь еще и людей, которые управляли бы этими пушками. Видно, английские корабли не могли тогда похвастаться достаточной сложностью личного состава. Это подтверждают трупы, извлеченные из подбитой советскими моряками

года два назад английской подлодки «Л-55», которую мы потопили в 1919 году. Леточки на фуражках этих трупов показали, что команда эта была немая. Нас сейчас интересует не это, а то, что, начиная с этого времени, английские корабли летом неизменно приходят на Балтику, к нашим водам и здесь тренируются. Не хватает, что ли, места в Атлантическом океане? А вот летом 1930 года английские корабли появились в Балтике совершенно неожиданно, вопреки официальным сообщениям, что в этом году поход в Балтийские воды отменен. Мы, балтийцы, поняли, что за этой таинственностью скрывается репетиция внезапного нападения на Красный флот. Дело «промпартин» показало, насколько правы мы были, не спуская глаз с этих «прогулок».

В начале этого же года стало известно, что Балтикой очень сильно заинтересовалась Франция. Она выделила из состава своей Атлантической эскадры четыре лучших новейших легких крейсера, образовав из них «эскадру Балтийскую дивизию», которая, по договору между Францией и Польшей, может в любой момент поднять польский флаг и подойти к берегам Советского союза, даже если Франция и не будет официально воевать против нас. Любопытная деталь — памятуя неудачу английской блокады 1919—20 гг., Франция укомплектовала эти свои корабли наиболее надежным составом, главным образом из числа сверхсрочников. Эта дивизия, в соединении с польским флотом и предначинанными Англией для «плаванья в Балтике» шестью эскадрами крейсеров, эсминцев и подлодок, составляет довольно сильный передовой отряд нападения на СССР, руководители которого в течение ряда лет внимательно изучали балтийский театр.

Итеснее лето дало нам еще одно доказательство подготовки империалистами интервенции. В июле в районе Моонзунда — в этом спорном пункте будущих боев — состоялись впервые в истории прибалтийских стран совместные маневры флотов Латвии и Эстонии, а также отдельные маневры польского флота.

Примерно в это же время в прибалтийские страны совершили воздушную экскурсию новейшие военные самолеты Франции, Англии и СССР.

Мы еще не знали тогда о действительных планах интервенции. Но мы видели, что подготовка наших «соседей» и их друзей к войне вступила в такую фазу, когда остается только координировать общие действия.

...Если принять во внимание, что будущая война будет механизирована до последних пределов, что машины в этой войне будут принадлежать одна из главнейших и решающих ролей, станет совершенно очевидным, что исход борьбы будет в огромной степени зависеть от умения наиболее продуктивно использовать эту машину. Отсюда вытекает необходимость особенно остро в данный момент поставить вопрос о выделении из своей среды и о соответствующей подготовке нужных нам военно-технических кадров.

Из речи К. Е. Ворошилова на IX съезде ВЛКСМ

Тов. Ворошилов беседует с моряками Балтфлота

Вот почему весть о раскрытых замыслах интервентов не являлась для моряков Балтики громом с ясного неба. Уже много лет под рид мы наблюдали напряженную подготовку к военным действиям; во время походов мы встречали те корабли, которые включены в состав эскадры удара на Ленинград. А летом 1930 года мы знали наверняка, что время, оставшееся до нападения, следует считать не годами, а месяцами, а может даже неделями. Об этом мы и твердили, когда призывали наших эсэфов—комсомольцев—усилить и ускорить свою военную подготовку.

Вот почему всегда—и летом, и зимой, и днем, и ночью, и при ясном горизонте, и в мрачном завывании штормов,—всегда зорки глаза вахтенных Красной Балтики. Вот почему изо дня в день повышают свои боевые качества краснофлотцы. Вот почему флотские комсомольцы основной своей задачей ставят повседневное и активнейшее содействие повышению боевой мощи морских сил. Руками комсомольцев был возрожден Красный флот. Чем же, если не этим рукам, работать над укреплением его боеспособности!

Итак, что процесс «промышленной партии», подтвердивший известие у нас предположения о лавинах интервенции, явился толчком к еще более напряженной работе в этой области.

Прежде всего комсомольцы многих кораблей организовали ряд новых ударных учебно-боевых бригад. Они пошли и дальше. В дни процесса «пропаратив» на флоте возникли сквозные бригады. Раньше их на Балтике не было. В это же время был поднят вопрос о встречных учебно-боевых планах. Такие планы уже создаются. Они сокращают сроки выполнения отдельных учебно-боевых работ.

Комсомольцы Эзэстрт-ининой школы бросили по флоту клич: «Соберем средства на постройку быстрогоходного торпедного катера! Наш ответ Пуанкаре!»

Клич подхвачен. Сбор проходит интенсивно.

Тов. Ворошилов на переправе

— Дашь дрижабль «Клим Ворошилов»!
И этот призыв подхвачен всеми кораблями.

— Крепить оборону дополнительной подлинкой на заем «Пятилетка в четыре года»!

— Есть крепить!

Флотский комсомолец небогат. Но он считает своей обязанностью до предела сжать расходы на личные нужды, если дело идет об обороне страны. Ответы о сборах средств в Балтфлоте печатаются во многих газетах:

— Мы, комсомольцы Обсалы, Неронов, Титов и Зорин, передаем свои облигации в фонд обороны страны—заявляя краснофлотцы соединения «Северных артиллеристов» на собрании, посвященном переизбору комсомольских ячеек.

— Краснофлотцы пятой роты Артикалы передают в фонд обороны облигации на общую сумму 500 рублей,—читаем в стенновке этой школы.

В течение тринадцати дней процесса кредителю комсомол Балтики значительно увеличила свои ряды. Нет такого корабля, нет такой части, где бы не прозвучало:

— Из имени тринадцати краснофлотцев 2-й роты прошу в ответ на угрозу войны принять нас в комсомол...

— От Н-й батареи одиннадцать человек...

— От машинистов семь человек...

Десятки, сотни новых комсомольцев «фонда ответа Пуанкаре». Комсомольцы одним из первых включаются в объявленный в ответ на угрозу интервенции общедарственный учебно-боевой марш. Они одним из первых бросаются в новые бои:

— За высокую дисциплину!

— За новые достижения в боевой подготовке!

— За образцовую бдительность!

Это три тесно переплетенных между собой условия дальнейших успехов в подготовке отпора интервентам.

Учебно-боевой марш заставляет краснофлотцев прожектором жесточайшей самокритики осветить всю работу: работу всех и каждого в отдельности. Понятно, что в такой большой организации, как флотский комсомол, есть изъяны. Один с прохладцей относится к учебе, другой хромает по части дисциплины, третий недостаточно бдителен.

— На общественный буксир!—так отвечает коллектив на эти маленькие «прорывы».

Комсомольцы Балтики ответили на кровавые замыслы империалистов так, как должны ответить комсомольцы. Они уже давно тренируют свою волю и боевые качества для встречи с сильнейшим технически противником. Неожиданное раскрытие всех подробностей планов интервентов заставило комсомольцев еще крепче подвернуть гайки боевой подготовки:

— Раньше мы могли только догадываться о сроках. Сейчас мы знаем, что есть такой срок—1931 год... Нажать! Подобрать мешки! Вперед смотреть! Бдительнее! Еще бдительнее! Еще!

— На запад смотреть! В боевой готовности! В полной готовности!

— Есть на запад смотреть! Есть в полной боевой готовности!

Комсомол морей готов принять бой. И этот комсомол спрашивает у товарищей, оставшихся у стаяков и машин:

— А вы готовы? А вы умеете обращаться с винтовкой не только на осовиализионских парадах, но и в боевой обстановке? Комсомолцы готовы дать отпор интервентам. Они вправе напомнить гражданскому комсомольцу:

— Боевая тревога близка! Будь в полной боевой готовности!

Комсомолцы в таких случаях отвечают:

— Есть, есть в полной боевой готовности!

А ты, читатель, можешь так ответить?

ПО сигналу

в черн
М. и И. ИВАНОВЫХ
М. ОБОВА

Разводка на лыжах

Небольшой пучок лучей электрической лампочки пронизывает зелень абжару. Лучи скользят по металлу винтовки и, расплываясь, теряются. Стук маятника и равномерное дыхание—однообразный всплыв сна.

У входа квадратный столтик. За столком бодрствует дневальный. Серые одеяла скрывают красноармейцев. Ночь. Впрывом гранаты врываются звуки сигнала:

— Тру-ту-ту-у-ту-ту-у...

Эхом ударяют они о стены, сверлят сонные мысли. Тревога будоражит людей. Вспыхивает свет. Без лишней суеты и шума, каждый знает, что делать. Через несколько минут рота выстроена. Руки скинмаку винтовки. Переглянувшись пятачками искрятся дульные срезы. Звездочки шлема—как кусочки пламени. И то же пламя—в сердце.

— Смир-р-но. К выходу, шагом арш...—проносится команда. Во дворе пульсируют автомашины. Момент,—включаются скорости, морозная пыль обдает кузова поздураторонком.

В автомашине № 3 карманный фонарь и указательный палец командира отделения Кожина скользят по карте местности.

На ходу объясняется задача: «По сведениям разведки, противник находится севернее района Верещагино на расстоянии одного перехода¹. Наши три взвода представляют собою отряд заграждений.

Боевая задача—задержать противника. В частности, нашему отделению приказано минировать просеку и взорвать лед речки Мэ. И этот район Кожин обводит красным карандашом.

Бабашев—активный комсомолец—предлагает пункты социалистичекого соревнования:

быстрое и четкое выполнение задачи; лучшее усвоение занятий; маскировка и тишина при работах; сведения для проверки брать у командиров групп.

— Принять—откликом проносится по машине. Легко и бесцельно скользят колеса по оледенелой дороге. За городом одинокие домики светятся тусклыми огоньками.

На опушке леса моторы выключили. Спрыгивая с автомобилей, бойцы скрываются за черные стволы голых, оледенелых деревьев. Вершины осен воткнуты в темь. Под порывами ветра оледенелые сосны падают снег. Бурлят гробины сугробов. Почти шепотом отдаются приказы. Отряд расходится на место работ.

— Главное, маскировка,—передается по группам,—поменьше троп. Воздушная разведка может нас обнаружить.

Кожин во главе со своей группой направляется к просеке. Иногда ноги в нут в снег, но продвигаются быстро. В лощине, обросшей

кустарником, Кожин объясняет схему расположения зарядов². За лесом вспыхивает рассвет. Ветер стихает, от мороза потрескивает кора. Все полади, группа приступает к работам. Лопатами измеряют расстояние, намечают ячейки³. Один начинают копать, другие режут саперный кабель, готовят проводку.

Кожин с красноармейцами подготавливают взрыв льда. Работают тихо, без шума. В ячейки закладываются заряды фугасов, за 200 метров от работы. У станции поставлен красноармеец Юдин. Ему поручена ответственная задача: «По сигналу повернуть два раза ручку подрывной машины, легкой нажать кнопку и... взрыв».

Работа закончена раньше указанного срока. Группа отходит в лес. На одной из осен раньше указанного срока. Хрустит мороз. Затаив дыхание, бойцы ждут противника. Воздух прорезали три коротких свиста наблюдателя, все насторожились. Юдин вздрогнул, руки невольно рванулись к машине, мозг дикорядочно работает. Все ближе и ближе раздается выстрелы. И в последнюю минуту, когда противник насадет на просеку, Кожин машет флажком. Слово электрическая искра—мысль:

— Эк, если бы это настоящие. Рябушкинске... Пуанкаре и... Юдин нажимает кнопку.

От взрыва поднимается облако снежной пыли, смешанной с землей, рванувшийся воздух пограс лед. Образовываются глубокие ямы, из широкой ярубуи идет пар.

Противник задержан. Боевая задача отрядом выполнена.

Сейчас же дается отбой (конец занятий), все собираются. Начальник отряда отдает приказание:

— По машинам.

Шум моторов и заглушающая этот шум песня:

**Воины мы не хотим,
Но в бой готовы-ыры,
Новая мы не дадим
На нас оковы...**

¹ Переход равен 25 км.

² Заряд—взрывчатое вещество и количество от килограмма и больше.

³ Ячейка—яма, предназначенная для заряда.

следующий номер смены

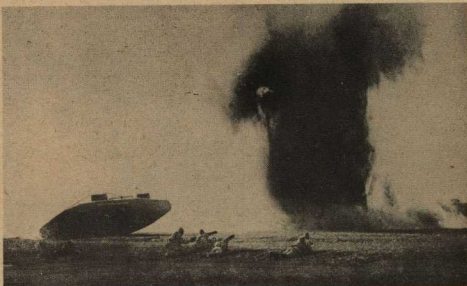
посвящается шефству ВЛКСМ над

**военно-
воздушными
силами СССР**

распространяйте смену!

выписывайте смену!

взрыв фугас
перед идущим в атаку танком

НАПАДЕНИЕ

Б. ПЕРЕЛЫШИН

Утро, в феврале

В восемь часов утра студент второго курса Механико-машиностроительского института Постышев сидит на кровати, настробывая лужайку и банки остатки консервов. Вдруг дверь с грохотом распахнулась, и Сережа Фомин, встревоженный и злой, крикнул:

— Вчера империалисты обстреляли М. с аэропланов. Возможно нападение на Москву. Комсомольский батальон вызван в помощь охране. Ребята да часа как ушли из общежития. Я вчера был за городом и не знаю, куда сунулись.

Скорая обстановка комнаты мгновенно изменила свой вид в глазах Постышева. Раскрытый циркуль уперся ему в грудь ослепительным штормом. Он увидел небо над Москвой в огне неприятельских аэропланов, осколки бомб, похожие на куски жести, людей, превращенных в консервную банку.

В следующее мгновение, стиснув пустую банку, как ручную гранату, он стоял в носках в холодном коридоре и кричал в телефон: 4-62-30.

С трудом удалось добиться ответа станции. Не менее получаса прошло, пока соединился с канцелярией вуза. Ничего-определенного! Студенты побежали в институт.

На улицах вступо виднелись группы людей. Танцующий от холода розовеющий парень деловито сообщал прохожим адреса тазоубежищ. Он брезгливо посмотрел на встревоженные лица Постышева и Фомина.

Трамваи, проработавшие всю ночь, везли запасных к призывным пунктам, часть служащих шла на службу пешком.

Пробежав мимо гигантского фасада Электрозавода, студенты услышали гуд машин, размеренный и мужественный.

Люди на крыше с песнями натягивали над заводом искусственное небо. Примеряли маски. С Бауманской доносились взрывы «Интернационала».

Возвание Совнаркома и декрет о мобилизации чередил на каждом углу.

Митинг

... Слово предоставляется военруку института.

Густой студенческий митинг заполнил зал и коридор. Постышев и Фомин застряли в последних рядах.

— Прежде всего, о непосредственной воздушной опасности. На сегодня она безусловно исключена. При 27 градусах мороза и резком ветре воздушный налет и газовая атака невозможны. Неприятельские разведчики, добравшись до района С., вернулись обратно, а часть их сдана в плен колхозникам (громкие аплодисменты).

— Это, конечно, ни в какой мере не избавляет нас от обязанности быть готовыми к любой угрозе. Тысячелетний рейд аэропланов с запасом бомб и бензина—практически трудно осуществим, но теоретически—возможен. Вражеские эскадрильи, возможно, ждут только прекращения урагана, чтобы снова попытаться добраться до Москвы. Разумеется, они встретят окруженный отпор.

— Перехожу к основному—какие обязанности налагают на нас нынешнее генеральное военное столкновение труда с капиталом. Мы неуставно твердили, что новая война может начаться внезапным нападением империалистов, и все же, оказывается, не были свободны от некоторой доли благодушия. Например, принято было думать, что войны начинаются в летний период, а никак не в середине зимы.

— Достаточно ли энергично мы вводим высшую инвентарную подготовку в вузах! Значительная часть студентов,—это надо прямо сказать,—не использовала в полной мере военных занятий в вузе. Наступившее военное время требует от нас немедленного крутого подъема военной учебы, постановки ее на первый план, самого жесткого контроля над усвоением военных знаний.

Голоса:—А батальон? Почему не сформировать батальон?

— Студенческий добровольный батальон преследовал вспомогательные учебные цели. Однако, в случае нападения империалистов на мирное население красной столицы, он мог бы оказать большую помощь в обороне.

— Но... батальон насчитывает едва два месяца существования, охватила всего 300 человек и прошел только два занятия. Даже комсомольцы, для которых участие в батальоне обязательно, сплошь и рядом пропускали занятия.

Пулеметчики на маневрах

— И вчера, во время сбора в штаб батальона, творилось, мягко выражаясь, неуязвим. Комбат не знал фамилий ни военкома, ни своего помощника. Тревога застала батальон врасплох. Из общежития все же студенты прибыли быстро, а вот живущие на квартирах отстали, связь с ними не была никак налажена. Поскольку батальон собрался не в полном составе, в первую ночь он был перегружен караульной службой, а сейчас охрану смеить еще некому.

— Младший комсостав батальона состоял из студентов, бывших ранее на военной службе. Сейчас, как запасные, они отправлены на призывные пункты, а батальон остался без командиров.

— Но я не сказал ни слова об энтузиазме, охватившем институт, как и всю страну. Все поголовно студенты встали в очередь на запись в батальон. Караульные несли службу по 12 часов. За два-три дня (именно столько, хотя и не больше, есть в нашем распоряжении) мы закончили формирование батальона и усилено обучим его основным приемам противовоздушной обороны,—словом, поставим батальон на ноги.

«Отставить студенческую роту»

Военный кабинет института—эти четыре комнаты на чердаке—были забыты людьми и завалены снаряжением.

Комбат, предфронтком Лобков и уполномоченный от комсомола по военным делам Александров послае бессонной ночи продолжали работать.

О чем думал маленький подвижник Александров, глядя на остальных работников батальона?

— Всего два дня назад ты, Лобков, прямо с непростительным равнодушием относился к работе. Целых две декады ты не мог поставить на пробное время вопрос о средствах для батальона. Военрук на собрании перечислил далеко не все недостатки. У нас ведь почти нет винтовок... Сейчас дорогое время уходит на добывание снаряжения. Два раза ты, Лобков, отнимал у нас день от занятий батальона под проработку, а занятый и так у нас было позорно мало...

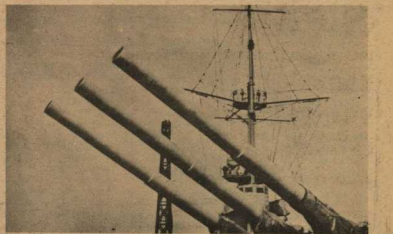
Все это маленький Александров думал, но не говорил, потому что время считал для споров неподходящим. Сейчас все не покладая рук наверхивали упушеное. Постышеву с Фоминим обрадовались:

— Вы же были на занятиях были! Походите на пост! Становитесь в коридоре.

Там уже строились два десятка студентов. Комбат с только что прибывшим представителем МВО обходили студентов.

— Винтовки еще не получены!—говоря комбат.

— Что же, с палочками хотели нам помочь?—успехнулся человек с рюмкой.—Ну, ничего, винтовки выддим. Рота пойдет на Окружную, на охрану погрузки боеприпасов. С уставами студенты знакомы?

С этими друзьями мы голосовали в годы гражданской войны

Руководитель граната

Разводящий и листы в пенке стояли перед Постышевым. Заводящий в лаборатории.

— Что вы бредите, он в Ленинграде. Да вы что, впустили кого-нибудь без разводного? Не может быть!

Кинулись к двери. Она заперта изнутри. В лаборатории тишина. У всех одна мысль: выйти он не мог. Стройте,—кажется, рядом есть запечатанная дверь. Толкнули соседнюю дверь, она поддалась.

Тогда шпашо широко растворил дверь лаборатории и в два прыжка спустился по лестнице.

Впереди всех Постышев бежал за ним по саду.

— Стой, а то гранату брошу.

— Срывай комьют!—крикнул сбоку.

В горлоке преследования он сорвал кольцо и остановился, не зная, что делать.

В этих гранатах запалник взрывается через четыре секунды после снятия кольца. Их бросают по счету.

— Бросай!—неиступленно крикнул какой-то студент, отпрыгивая разом шагов на десять.

Постышев еще раз взметнул гранатой и вдруг прижал ее к груди и повалился в снег. Секунды бешено полетели. Ему показалось, что он все еще сжимает пустую консервную банку, стоя у телефона в коридоре.

— 4-6-30. Дайте, пожалуйста, мне очень наде!—сказал он раздельно.

Граната не взорвалась. Студент, спрятавшийся за деревом, разглядев, что пальцы Постышева судорожно зажали ударник. Он подбежал, вырвал ее из рук и падел колом.

Постышева подняли и повели в амбулаторию. Он увидел, как задержали шпиона, державшего в снегу в охапке разрыва.

Полночь сошла и вернувшись к Постышеву. Он разом увидел все бездумие сегодняшнего своего поведения—с начала до конца. Он не застрелен. Он несет ответственность. Пусть,—только дан бы ему возможность хоть где-нибудь, хоть как-нибудь заглядеть свою вину, дан бы ему возможность принять участие в великой борьбе.

За решеткой сада раздался сигнал. Военно-химический институт вышел на охрану района. Впереди шел вооружен Ильяных, огромный, железный человек с двумя орденами Красного знамени.

Химики уже год как организовали свой полк, были хорошо подготовлены, взяли первенство в походе Аванхиана. Военные знеция построили они по академическим группам. По этому образцу следовало бы повести работу и в механическом институте два месяца тому назад.

Через четыре дня

Как непохож суровый подъем пролетарской Москвы на истерические мобилизации буржуазных стран! Город, организованно выходящий на демонстрации, теперь привычным движением брал высоту, твердо знал, с кем и за что драться. Громкоговорителя разбирались речь Сталина, приказ Ворошилова. С верхних этажей улицы у вокзалов казались вымощенными железом шелевы.

Телефонная нереабераха в Бузманском районе была ликвидирована ударной бригадой связисток и печатчиков. За двое суток составили, набрали и выпустили упрощенный справочник.

В институте, в аудиториях и в коридорах всюду шло учение. Через четыре дня батальон был уже полновозрадной обороной.

Первым в районе по военной работе остался химический институт, встретивший в полной готовности первое известие об интересе.

Индустриально-педагогический техникум также быстро выставил свой полк всех родов оружия. С винтовкой в руках, с шпритивогозам у пояса, вузы продолжали повседневную работу, как и заводы, ни на минуту не оставившие машины.

Через месяц нападение империалистической коалиции было отбито. Постышеву товарищи дали возможность пока что заглядеть хотя бы часть вину усвоенной учебой. Споспобный парень, он быстро догнал товарищей и стал образцовым батальонником, систематически пополняющим свои знания.

Он просит, чтобы, чего доброго, не стави по его ошибкам судить о значительной части пролетарской студенчества. Но он требует, чтобы ни один комсомолец не допустил подобных ошибок, чтобы каждый помнил, что боевая тревога возможна каждый день.

— Еще не все...
Человек с рюмбом задал несколько вопросов по караульной службе двум-трем студентам. Они запугались.

— Москву, по крайней мере, знаете, свой район? Где расходятся Курская и Нижегородская дороги?

Сосед Постышева покраснел:

— Я первокурсник, только что из Рызана.

— Какие подходы к вашему институту со стороны Лефортова?

— Это что—подходы?

— Отставить студенческую роту! Загребуем рабачи-металлистов,—сухо сказал человек с рюмбом. Вышел из здания, себ в мотоциклетку и уехал.

У секретной лаборатории

Постышева вызвали к столу.

— Часовой у аэродинамической лаборатории имени Жуковского. У секретной лаборатории. Винтовки у нас, товарищ, для тебя нет. Получай ручную гранату. Разборку гранаты проходил? Что же молчишь? Говори; умещь с гранатой обращаться или не умещь?

Постышев был как раз из числа тех студентов, для которых производственная учеба плотно заслоняла военную. В памяти ясно всплывала картина. Тир. Смена стреляет. Постышев оставал разбирать модель гранаты. Он использовал это время для других целей и сумел довольно хитро увернуться от вопросов. Ну, конечно, же, он твердо намеревался сам вспомнить этот проба в военном кабинете. Всего через неделю.

— Знаю, знаю!—выпалил он, и сам сейчас же спохватился, что делает глупость.

Разводящий уже поставил Постышева у двери на третьем этаже с надписью: «вход посторонним воспрещен».

— Сейчас же распрошу товарищей, граната—пустоковое дело,—успокаивал себя Постышев, и вдруг понял, что разводящий, прежде чем уйти, говорит ему что-то насчет двери. Но что именно—он прослушал. Одна ошибка повлекла за собой другую.

Со второго этажа слышались шум и движение. Да, у него были прорывы и в допривязанной подготовке. Он не знал, как вызвать разводящего. Во всяком случае с этим позорным враньем он покончит немедленно. Он уже собрался сбежать с лестницы, позвать проходивших. Но по лестнице деловым шагом поднялся человек. В пальто с воротником, без шапки, видимо, преподаватель. Бегаю спросил: «Никто не проходил по коридору?»—и, не дожидаясь ответа, открыл дверь своим ключом.

— Кто вы такой?—успел спросить Постышев.

— Заведующий лабораторией!—засмеялся пришедший.—Не пускайте никого, кроме Николая Ивановича!

Постышев был полон сомнений. Но теперь он уже никак не мог отойти от двери. В лаборатории был посетитель. Зловеще проползл 10—20 минут.

НЕМЕЦКИЕ КОМСОМОЛЬЦЫ—

кадры будущей Красной армии советской Германии

Берлинские комсомольцы вывешивают агитплакаты, посвященные вербовочной кампании

Войной—
буржуи прутся,
к лету,
к зиме ль
смахнет их революция
с ихних земель.

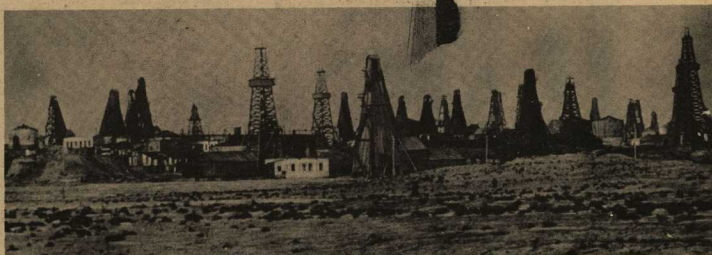
Гром
рот—
ать,
два.
Впе-
ред,
брат-
ва!

В. Маяковский

нефть в плену

«Вой-
сть
продолжило
политиче-
скими
средствами»
КЛАУЗЕВИЦ

АНАТОЛИЙ БЕРСЕНЕВ

О любви и цветам и о туристах из страны „Заходящего солнца“

Заставим историю вернуться вспять. Нам нужно вспомнить годы гражданской войны, годы интервенции на Дальнем Востоке.

Японский империализм в те отдаленные времена воспылял горючей страстью к диктатору «всех Руси» адмиралу Колчаку и русскому народу. В доказательство чувств своих японские войска заняли Дальний Восток, Сахалин и часть Сибири.

Под защитой штакетов в покоренную Совдепью пришла культура: коммерсанты, покупавшие оптом узды, общедоступные публичные дома для особ всех четырнадцати классов и туристов. Туристы были с подозрительной внешностью. Военная выправка и полковничья уверенность в поступках и движениях.

Туристы интересовались цветочками. Гражданскими частными экспедициями, одетые в цивильное платье, но с военной дисциплиной,—они устремились в тепереший Калининский район. Эти организованные любопытники искали странние цветы. Они, как кроны, как суслики, выгрызли район. В поисках цветов были скважины, копальщики неугомонно в земле.

И когда внезапный налет заячьих шапок—красных партизан—спугнул туристов, в палатке экспедиции командир партизанского отряда—рабочий-нефтяник нашел любопытный инструмент и колбочки с пробами. Он внимательно осмотрел всё и жалчно обронил:

— Ишь, сволочи! Так вот как называются эти цветочки. Нефть!

Нефть, драгоценную породистую жидкость, искали «туристы»—японские военные инженеры и геологи.

Перевернем страницу истории. Напомним второй эпизод, происшедший совсем недавно—года два назад. На заводе Иманского лесопроизводства приватизированной европейской фирмой, покупающей у нас лес. Он предложил купить немедленно за наличные (доллары, иены, червонцы—безразлично) весь заводской отход. Номер не прошел. Мистер уполномоченный отчаялся воссоединиться с номером, без барышей. Зато в записной книжке у него появились иероглифы ляхородных записей, зашифрованных рассказы о залежах беспризорной нефти в районе. Отходы, отвалики—это был лишь предлог. Нефть магнитом тнула к себе коммивояжеров японского империализма.

АКСИОМА, ВСЕ-ТАКИ ТРЕБУЮЩАЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Большевистская арифметика, математика пятилетки знает «странный» счет. Так, у нас пять равно четырем и даже трем. А иногда аксиома ясная и простая все-таки требует доказательств и многократных доводов.

В Калининском районе, вблизи Картуна, есть месторождения нефти. Это—неоспоримая аксиома. Говорить об этом—значит повторять истины вроде: «Волга впадает в Каспийское море, а «лошадь кушает овес». Но не сказать никак нельзя, ибо картунская нефть в плену. В плену у бюрократизма и волокиты.

Редакция районной газеты «Борьба» проводит сейчас опрос охотников, бывших красных партизан, знающих дорогу к нефти. В редакционном портфеле хранится запись беседы с товарищем И-чем. В годы «гражданки» он дрался с семеновцами и японцами в Калининском районе. Там, вблизи Картуна, в распадах тянется града бо-

лотней, озерков. Вода разукрашена перламутрово-масляным орнаментом. Это ли не цвет нефти? Тов. И-ч знает путь к нефти. У него есть пробы, карта дороги и дневник экспедиции, речь о которой будет ниже.

Красный партизан И-ч бился за картунскую нефть несколько лет. И в 1927 году была наконец послана разведочная партия. Экспедиция еще не дошла до места, когда ее кто-то неизвестный (думайтесь: лучше в это слово) обстрелял. Чья-то невидимая рука убила члена экспедиции. Уцелевшие струсили и вернулись. Разговоры о новых поисках были похоронены.

...В крестьянских занимках ночами горят плошки. Фитиль плавает в нефти. Эта нефть взята из Картуна.

Охотники, уходящие промышлять зверя, смазывают ружья густой, жирной жидкостью. Что это: нефть или естественный гуталин? Конечно нефть. Только она.

Еще одно доказательство, коллективное:

«К вечеру, добравшись до гор, в болотистой местности, среди кочек, нашли мы лужи воды, покрытые радужными пятнами. В некоторых местах, где воды не было, цветные пятна выступали на землю, но торф мешал проследить, где именно они вытекают. По запаху и цвету мы решили, что это нефть. У нас в этом случае не было сомнения».

Цитата эта—свидетельство туристской группы, побывавшей в Картуне, напечатанное в журнале «Всемирный турист».

Нужно ли еще цитировать показания охотников, лесных рабочих, партизцев, старожилов района?

Вступление японцев интервентов во Владивосток

ДЕРЖИТЕ ОТВЕТ, ПРОФЕССОР

Говорят, что против факта не пойдешь. Но жизненный опыт доказывает, что находятся такие храбрые люди, что аступают в единоборство с фактами. Познакомьтесь с таким воякой—профессором Максровым, быв. председателем Дальгеокома.

Он авторитетно разъясняет истекания нефти, что «по своему геологическому строению Калининский район относится к числу тех, где нефти и не может быть». В помощь коллеге выступили и маститые геологи из Дальгеокома. В результате вопрос о каргунской нефти сдан в архив.

Мы выступаем с опровержением. Гражданин профессор, вы отвечаете за свои слова! Вы твердо убеждены в незабываемости вашей теории. Держите тогда ответ. Немешкие профессора-геологи, в частности профессор Тренгов, в своем труде «Огненный промысел», говорят по вашему адресу:

«Месторождения нефти не связаны с каким-либо определенным геологическим горизонтом и встречаются во всех формациях, т. е. системах горных образований».

Вам ли, гражданин профессор, напоминать об азыучных истинах? Об истинах, знакомых почти каждому рабочему-нефтянику? Но мы напомним вам, что нефтяные месторождения, пригодные для промышленной разработки, определяются не только по таким признакам, как выход нефти на поверхность, асфальтовые покровы, выделение газа из воды или почвы и т. д. Изучение нефтяного дела показывает, что перечисленные нами признаки не всегда доказывают присутствие в земле нефтяных запасов промышленного значения. Очень часто нефть оказывается в большом количестве там, где никаких поверхностных признаков нефтеносности и в помине не было.

А ведь каргунская нефть плавает на поверхности озер и даже сочится из земли. Сознаться, профессор, что вы... преувеличиваете, милого говоря. Нефть есть, но вам неприятно, что «как-то» рабочие, без образования, пытаются доказывать иное...

Упорство ваше поведет вас, профессор. Каргунскую нефть попробуем найти своими силами, без вашей авторитетной помощи, хотя она могла бы при другом отношении к делу принести огромную пользу.

НЕФТЬ ЖДЕТ УДАРНИКОВ

Топливо является узким местом дальневосточной промышленности. Из-за недостатка топлива Уссурийская железная дорога завозит уголь из Черемховских копей, отстоящих за несколько тысяч километров. Только один провоз тонны угля обходится дороге в 50 рублей. Пока черемховский уголь доставят по назначению—треть его сжигается в тонке паровозов.

Недостаток топлива отражается и на работе заводов. Перебои в снабжении рождают простои, провалы. Решение топливной проблемы является для Дальнего Востока одной из самых важных задач. До сих пор дальневосточные организации заготавливали необходимый бензин и керосин из Батума. Хорошенький маршрут: Черное море—река Амур—Японское море. Тысячи, десятки тысяч километров. Тысячи рублей накладных расходов!

Привидите карту. Найдите бывший каторжный остров Сахалин. Там есть нефть. И, кроме нефти, неприятный сосед на самом острове (часть Сахалина оккупирована Японией до сих пор)—японский империализм.

Сахалинская нефть, пока единственное работающее нефтяное месторождение на Дальнем Востоке, приобретает исключительное значение в снабжении края дешевыми нефтепродуктами. Но если вспыхнет война с тихоокеанским капитализмом. Владивосток—это окно в зарубежный мир—может быть заложено, заколочено японскими дредноутами.

Социалистическая индустрия и оборона страны советской требуют нефти. Новых поисков, новых разведок, новых запасов.

В пятнадцати ладне обращено особое внимание на нефтяные разведки. На совершенно новых землях мы должны получить в 1932—1933 году около 9,5 миллионов тонн нефти.

На нефтяных промыслах

Ударники устанавливают цистерну под надуз

Вывод один: нужны разведочные работы, поставляемые в крупном масштабе и осуществляемые в ударном порядке. Нужно искать нефть. И она есть. Есть в Каргуне. Есть люди, знающие дорогу к нефти.

Разведки в Каргуне необходимы. Необходимы, потому что через район бегут стальные полосы Великого сибирского пути. Необходимы, потому что в районе есть лес и рис, шельк и зерновые культуры, течет сухоходная река, связывающая Иман с Китаем и Хабаровском—столицей края.

Каргунская нефть покатит вперед жизнь измученую. Грудью тяжелой индустрии должен дышать район.

Придите, люди социалистического труда, возьмите дикую нефть. Бурите девственную землю, бейте новые скважины. Налопте драгоценный налитком досята дальневосточную промышленность. Дайте каргунской нефти советского хозяина. Ускорьте темпы пятилетки!

Дальний Восток
г. Иман

Война потребует колоссального напряжения хозяйства всех государств. на войну будет мобилизована

и тяжелая,
и легкая,

и средняя индустрия.

металлургия, химия, электричество и радио,

лаборатории, научные институты,—

все это будет мобилизовано на войну,

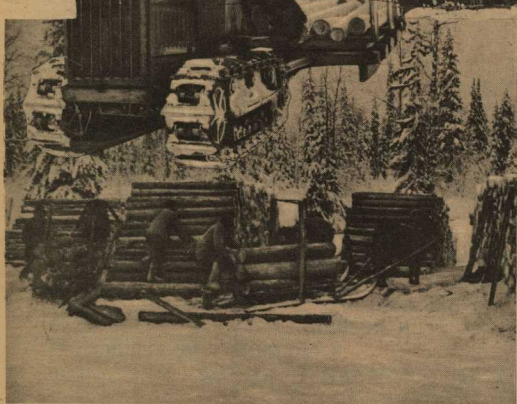
все это будет отдано на служение ей.

и нам с вами такне необходимо, рассуждая о войне, помнить, что мы будем защищаться не только вооруженной армией, мы одновременно будем воевать и промышленностью и машинами, и лабораториями и институтами

И. Ворошилов (из речи на IX съезде ВЛКСМ)

советский
лес

„Чтобы раз навсегда отучить твердолобых клеветать на советскую власть, что она насильно заставляет работать нас в лесу, давайте закрепим себя на лесозаготовках и сплаве до конца пятилетки“.

(Из резолюции Савинской бригады на лесопункте Шеленка в Плещеем районе).

ХИЖИНА

ДЯДИ

Карла

Б. РОЗЕНБЕРГ

Парад заканчивался. Произительно влад рожок, визгливо юлила скрипка и удары негритянского барабана «там-там» падали ровно и мерно, как артиллерийский разрыв. По фронту шел вприпрыжку немалый суконный старик. Это был Клеманс на смотре негритянских частей «собственной» англо-французской армии, устроенном чуть ли не на другой день после перемирия.

Неожиданно остановившись у рослой фигуры черного и, разумеется, неизвестного солдата, он шепнул что-то на ухо шедшему рядом представителю английского командования и затем прикрякнул к одежде чернокожего солдата небольшой пучок филок. Это все, чем отбавлял англо-французский империализм своих многочисленных черных рабов за их бесчисленные жертвы. Из всех возможных побуждений, гордо именуемых орденами, Клеманс не нашел ничего более подходящего для так называемого «черного шака», чем этот жалкий букетик.

В свое время этот факт был широко разрекламирован всей буржуазной печатью. Сентиментальные обитатели хижин дяди Тома высказывали из пучка филок целую конституционную теорию. Жалкие цветки стали постепенно превращаться чуть ли не в хартию волиности. Однако, очень скоро они увяли, и все колоши империализма, поставившие «черную слоновою кость», как дичиною изыскать рабов империалистическая агентура, остались в том же положении гигантского запоредника, в котором особенно удобно хохотится на человека.

Главный постановщик антирусских уток в английском парламенте, консервативный депутат Беалер передал на-днях представителю печати очередную порцию лживых документов, в том числе и письмо Гаррисона, главного офицера судна, не раз заходившего в северные советские порты.

Будучи отчасти знакомыми с положением рабов в английских колониях, рыцари филокового пучка сомневались по образу и подобию этого приложения картину ужасного труда заключенных, якобы широко применяемого в России. «Таймс» не замедлил украсить эти документы сообщением о том, что рабочих сопровождает стража, вооруженная винтовками с примкнутыми штymi, что они работают с 6 часов утра и до 6 час. вечера и что единственная пища рабочих—кусочек черного хлеба.

Наконец, «Дейли Мейль», не упускающая ни одного подходящего случая, чтобы обаять СССР, в следующих красочных выражениях сообщает о насильной вербовке в какую-то несведому «промышленную армию», куда, оказывается, уже залечено 800 тысяч женщин.

Советское правительство, как указывает эта газета, «решило поощрить и стимулировать с семейной и жилой стороны» — жены и дочери рабочих, занятые домашней работой — были оторваны от своих семей и заперены в «промышленную армию». В течение ближайших нескольких месяцев 800 тысяч женщин покинут свои дома и станут рабынями Советов. Оставшиеся семьи будут переданы на попечение государственных учреждений. Мужчины и женщины будут помещаться в рабочих бараках или коммунальных домах, тогда как их дети будут распределены между детскими домами. Государственные фабрики-кухни будут доставлять стандартную порцию пищи в установленных размерах.

Гражданка

И. СИДОРИН

из повести о сегодняшнем дне Красной армии

— Привез командира! — весело крикнул поручиканчик, натягивая вожжи. Начальник заставы и красноармейцы внимательно рассматривали приезжего. Кирей сгруппировался в двухкопий, сядя и поставив у ног судушок, аккуратно помытый из своего шидель. Взяв винтовку, он подошел к начальнику заставы, стал в положение «смирно» и не громко, но внятно (вся заставка слушать-должна) —

— Из Окружной школы подготовки младшего «чистотаса», помощник командира взвода Дегтярев. В ваше распоряжение...

— Какие шедро обидано сильное из виду, по-стреловому подобранного помощника. Встретил его явно с удовольствием. Начальник заставы раздвинул потрескавшиеся губы в отцовскую улыбку, красноармейцы пододвинулись еще ближе, дернувшись по заставе сядя на минуту подозренье с камшда и кустарника и тоже смотрят с крыши вниз. В стеклах его бинокля горели нестерпимые блики. Серьезно и спокойно глядел из кухни волкоддав «Кардаш» (военный — значит свой, молча кидаться не надо).

— Добре, вольно, — басовито сказал начальник, пожимая руку Кирея.

— Вот это, — показал он крупной в коричневом загаре ладонью, — мой помощник по политической части, а вы будете помогать мне по стреловой. — Кирей тряхнул руку невбравитому, с золотым зумбом подвинутому товарищу, затея, чуть возбужденный теплым взглядом, обернулся к красноармейцам.

— Здравствуйте, товарищи!

Все эти измышления настолько наивны и так прозрачны в своей лживости, что даже не нуждаются в опровержении. В протоколах комиссии Фиша среди мероприятий по подарку советско-американской торговле числятся между прочим и пункт о тайной поставке агентов на дезаготовку в СССР. Если бы Фишу и удалось продать нечто подобное, — конец его клеветнической карьеры был бы обеспечен.

Стоит однако вспомнить сейчас о том, в каких условиях жили те же «несчастные» рабочие рабы до прихода советской власти. Как чувствовали они себя тогда, когда в качестве хозяев и в условиях их покровителя были цивилизованные английские капиталисты, слепая оплачивающие кровь, пот и мозг своих рабочих несколькими грошами и пучком душистых филок в придачу?

В лесах северных губерний до революции хозяйничали лесные пираты Стюарты и Гернетты. Средняя продолжительность рабочего дня — 11 часов. Средняя зарплата на своих карабах — 65 копеек в день для мужчин и 35 копеек для женщин. Были случаи, когда рабочий, забывая самые необходимые продукты, дополнял в 12 копеек в день. В лесах существовала целая система штрафов так называемых «лихих пятачков». Лесоруб штрафовался за все: за ободранную кору, за снет на лесу, чуть ли не за лунный свет и за лачный след. Штраф был вполне божеский — по пятачку с бревна. Что касается хижин дяди Тома, то буквально смысле этого слова, то вот ее описание, не уступающее лучшим местам классической изобразительной литературы:

«Ибушки строятся из мелких бревен, крыты тесом, а иногда сучьями, полов нет. Земляные очаги, которые при толке дымят, тесны, низки, жарны и совершенно темны от дыма и копоти. Развита трахомы, при тяжелых антигигиенических условиях быта развития болезни. Никакой медлотовости».

— Но ведь это ничуть не лучше, чем в какой-либо Либерии, где процветает настоящее рабство, где живет самое отсталое негритяское племя, где экспорт живого товара в мировой центр Фернандо-По достигает гигантских размеров, — возмущенно возразил ве. Совершенно верно! Условия труда дезобуров до революции почти ничем не отличались от условий труда рабов, негров в нынешней Либерии. Секрет в том, что и здесь и там хозяйничали те же Стюарты и Гернетты.

Шведский профессор Болиндер, побывавший недавно в Либерии, опубликовал ряд потрясающих данных о положении этой колонии. Рабочий день длится от 11 до 14 часов. Зарплата крайне низка, причем она выдается не деньгами, а квитанциями на получение товаров в лавках европейских. Человек стоит 3 фунта стерлингов нетто. Дешовка, торговать которой гораздо выгоднее, чем торговать основными продуктами экспорта — кофе, какао и винными ягодами «иннасарва». Для полноты картины — о хижине дяди Тома. Все жилища рабов полуразрушены, всюду отчаянная грязь, и только посреди стоилов Монровии высится дворец президента, построенный в духе оскобиков Стюартов и Гернетов.

На историческом тракте каторжной эксплуатации славные традиции рабовладельческого раба в Либерии находятся рядом с неслабыми условиями труда, существовавшими до революции на дальнем севере. Сядя боком обок с хижинкой дяди Тома и как раз напротив зеркальных оков дворцов английского империализма соорудается новая хижина — дяди Карла (Маркса). Она сделана не из теса, а из железобетона. В ней нет земляных очагов и стены здесь не задвигаются копытою. Наоборот, на стенах висят портреты Ленина. Рабы мирового империализма массами покидают хижину дяди Тома, направляясь под гостеприимный кров хижин дяди Карла. Этого, в сущности, не могут перенести все те, кто брызгает ежедневной порцией слюны на страницах «Дейли Мейль».

— Здравствуйте, товарищ командир! — разрозненно, но дружелюбно-удобно откликнулись красноармейцы и сразу подожали к ним вполную, огороживая живым чистоголовом всех троих.

Раздвигая товарищей, пробрался в середину прощолончик красноармеец. Из-под широкого, просторного ридаса, матерчатого запыря старей летней его фуражки в голубом блеске тынулся к Кирею веселые, знакомые глаза.

— Товарищу командир!

— Здравствуйте, товарищ Кустов, — радостно ответил Кирей. И к началу востановился откликнулся красноармейцам.

— Мы с вами вместе обучались в Ленинване.

— Вот и своих встретил, товарищ командир, — сказал один из красноармейцев.

— Мы тут все свои, чуток нет, — ответил за Кирея холия заставка и посерьезнее добавил: — Ну, давайте ужинать и надо итти к Араку. Тов. Никулдин, разместите товарища Дегтярева возле себя и приходите подзарядиться.

— Станови-с-и! — приказал он красноармейцам, и они привычно быстро образовали две шеренги.

Нарядя на посты, начальник командой послал заставу в столовую, а сам пошел к себе за очередной порцией хинина, которым он аккуратно кормил всех, включая и себя; место было малярное и кое-кто уже прихварывал.

Детали представляются
начальнику команды

За ужином Кирей еще сильнее почувствовал искреннюю симпатию заставы. Красноречивый спрашивали, есть ли у него сахар, подошли ли хлеб; конюшатый, со светлыми ресницами повар, обряженный в гранатовый фартук, предлагает «добавок» вкусного с мясом картофельного пюре. Желая поскорее узнать ту самую границу, для которой его готовили около года, Кирей спросил ничем же познать себя на один из постов часовой. Просьба эта вышла из него естественной, без рисовки и всем понравилась. Чувствовалось, что новый командир придется ко двору. Начальник заставы, потерев суховатыми пальцами коричневые худые скулы, одобрилительно согласился. Ему, давнишнему служаке, помкомхоза сразу пришлось по душе за тот внешний порядок, под которым опытный глаз начальника видел другой, внутренний порядок—основу всех боевых командирских качеств.

— Пустите товарища командира со мной,—попросил Кустров.
— Можно,—согласился начальник.—Тогда вы, Куранов, не ходите.

— Хорошо, товарищ начальник,—сказал чернорылый с нейтральными светлыми усами боец, скрывая радость: спать приходилось на заставе в обреш.

После ужина на лавочке у кордона с чувством и толком тянули продукцию «вертикам», закутываясь на всю ночь, а ясная ночь уже подражалась к заставе. От Аракса дохнула речная свежесть.

Все часовые пошли вместе. По дорожке к Араксу на ходу докуривали, поправляли потянутые вверх шинели брезентовые плащи. У приграничной стезки разнялись по постам. Кустрову жальцы:

— Не угорьб товарища командира...
— На курда не наведи...
— Валиге, валиге,—спорачивая влево, кивал головой Кустров. Пошел он вперед и, как инженер показывает постороннему завод, на ходу рассказывал:

— Вот тут контрбанду весной задержали: шевот, часы, бритвы, дамская мура. Перли прямо на кордон, думали, что мы только по краям охраняем.

— Была драка?
— Нет, смиренно понаблюд, без шума дело обошлось.

Кирей boldly шагал за товарищем и жалостливо рассматривал с собой ую границу. Черные кусты и камыш кое-где открывали тусклому вечернему темносиний Аракс. За кустами и Араксом ухо-

дила в темь такая же персидская сторона. Все было как-то обидно, но дух и глаза прилегли ту особенную тишину, которая гудит в местах, где людской встреча гнетет пороком, пудей, штыком и кинжалом. Эта настоережная тишина быстро охватила Кирей.

— Уж сколько раз и эту тропку вымеривал,—обернулся Кустров.—Была и в перепалках, и думаю, что не из бездельных. А жукотаво, и так каждый раз. Вдвоем ничего, а одному грустно, невесело.

— Стежка с мало слышным шелестом ползла назад.

— Вот тут,—показав рукой Кустров (кисть руки сливалась с темью),—кабаны тропка... Место—для переправы, лучше не выдумасы... Дойдем до стежки, побудем там, а потом сойд... Ничем в обед начальник говорил—дашная за Араксом опять што-то зане-велились.

Пошли молча. Звенелась невидная стежка; под удобными, неслышными сапогами, пошелестывала трава.

Тихо этой ночью на границе.
Мокроватая темь густо задопанила и кусты, и камыши. Наощупь часовым берется дорожка. Куском рафинада чуть-чуть маяжит вверху Аракс. Нудно гудит ночная птичка, и не забрешь—быстро она или далеко. Сторожко похрюкивает на острове кабан. Нет-нет, и пискет потрещивающая в кусту птичка. Давешним комсомольчиком струится Аракс, курдюно омытая корня прибрежных кустов. Социным сплеском режет звонкую тишь рыба, рассказывая о привольном своем житье. Прохладный ветерок волнует пушистоголовый камыш и толкает шуруны невеселые загадки. Из-за мягких забурки горы ватужно пробирается месяц. С трудом подымавшись, он асселеет и, играя рыбками, уверенно забирает высоту. Облизывая водной гудобинкой и сразу пододринувшись горы. Сильнее понаблюд мизоглувокая свирельность кузнечков. От персидской стороны лямут теино-фиолетовые тучи; они медленно обступают месяц. Каючая туч в серебре. Скоро месяц тонет в тучах.

На границе темно, тихо и немного жутко.
Кустров остановил Кирей.

— Вот и стык,—шепнула он,—видишь, над кустарником деревцо мланит?—Послушай. Тихо. Подошли к кустам, и Кустров встал в расшепну ветки скатанную трубочкой бумажку.

— Бым,—отгнетла в уме Кирей,—теперь нехай проверяют. Легли под кусты. Долго слушали, потом Кустров шопотом начал рассказывать о службе в школе. Кирей также тихо рассказывал о себе. В перепалывание выливались широки, звуки; тогда молчали, пуская в ход тонкий слух, старались прокнутить темь глазами.

От стька шла молча. Два раза ложился в прибрежные ямки. Медленно текла ночь. Хотелось курить.

— Давай тут полежи!—тихо предложила Кустров.—Кабаня тропка...по-моему, самое надежное место.

— Легли у берега, ложимся на самую тропку. Молчали. Саушали.

— Покурить бы теперь,—шепнула Кустров. У Кирей набегала в рот слюна, требуя табачного дыма, но он устан знал хорошо—курить ночью на границе нельзя. Кирей колебался: не разрешит курева—товарищ как бы не обиделся, закурить—значит поломать устав, а этого Кирей делать не привык.

— Неудобно, Коля...

— Так-то оно так, да разве в атерпши? Мы устроимся в ямке, накроемся—ни одна душа не узнает...

Но Кирей решил, что лучше себя не искушать.

— Терпели больше половиним ночи, не стоим, скоро уж зари играть начнет.

Кустров понял, что курить не придется. Он знал, что если закурить одному—Кирей никому не скажет, но чувствовал, что это царянет по их хорошей дружбе и решил перетерпеть.

Совсем рядом, на острове хрюнула кабан. Кустров схватил Кирей за ворот платья.

— Хрюк, хрюк,—неслось с острова.

«Што-то вроде как свиньи невозможно не так хрюкают,—мелькнуло у Кирей, но дикого кабана он еще не видел и не слышал и теперь ждал, что скажет товарищ».

— Слышу лучше,—шепнула Кустров,—што-то не так.

— Ага, вот оно!—стукнуло и заходило Киреево сердце, как у рыболова, когда явал крупная рыба. Остров надоголо застал в тишине. У бойков стадо звенит в ушах.

— Хрюк, хрюк,—и снова что-то заволодось на острове.

— Это кабан с маузером. Смотри лучше,—але шепнула губами Кустров, но Кирей расслаблял. Плеснулось у острова вода! Оба чуть привстали, тинули головы из уша. В ушах звенело сильнее, глаза открывались, до боли. Что-то попольно, слышно, к тропке.

— Давай в сторону, што стрелять было удобно,—принстал Кустров.

**близится время решительного столкновения с мировым капитализмом.
политика партии разлагает капитализм,
взрывает его.**

отсюда

неустанная подготовка интервенции против СССР.

Детеныш выстранил в штыкбайонет

Кирей волком двинулся за товарищем. Поны шнели с малым шумом гладыя траву. Шагах в двадцати от тропки приняли к прибрежному кустарнику. Кирей достал пятый патрон и медленно-медленно, прикрыв затвор шинелью, чтоб не звякнул, погнал его в ствол.

— Если не кабан, то разведчик... Сиди тут, я посмотрю.— Кустров тихо и так скоро пропал, что Кирей стало жутче. Теперь он слышал сразу и остров и берег. У берега плеснулось, потом до пущного надлога задало. Протохранный рот выдох. Кирей вынулся к берегу всем телом. Теперь он ясно слышал, как что-то вылезло из воды. Понудился тихий лошадиный хрип.

«Конный... Што там Кустров пропал!»—завидел Кирей. Зашлепала трава и мимо замершего Кирея тихо проскакал всадник.

Тянуть штыком—и готов,—прикнул в ум Кирей, но не шевельнулся, поняв, что это разведчик, «вынохает». Конный проехал обратно и Кирей обрадовался, что лошадь его не испугалась. Конный прощупал другую сторону за тропкой и затих. Долго звенела тишина. Потом оттуда два раза хрюкнуло. С острова ответно плеснулось, раз, другой, третий, вода заплескалась сильней.

«Сколько их?»—сбитый переплеском со счета, мучился Кирей и вздрогнул—на него глядели большие глаза Кустрова.

— Разведчик... Конный... Под кабаня...

— Знаю, выдал...

— Ты будь здесь,—чуть слышно говорил Кустров, а я обойду их и—на другую сторону тропки... Охляну я... Будешь стрелять—сиди за мной выстрелими. Меня не утробь...

У тропки сильно заплескала, звякнула два раза железо.

«Стреля об стреля»,—догадасы Кирей. Кустров опять пропал.

«А-ить убить могут»,—стрельнуло в голову. Из-под пояса по-ползла на плечи дрожь. Собирались заговорить в перестуке зубы.

«Штой ты борь?»—спросил себя Кирей. В голове завертегось:

«Наст... ждет... Убит... Мать... Живой, огонькой командир взвода в школе...» Образ командора рос, заслоняя остальное. И так, и так убить могут. Командир нельзя боятся...

«Нас двое,—нарастала уверенность,—стреляю здорово...» Он повернул ухо в сторону тропки. Оттуда зашумело.

«Челва куча... На Кустрова...»—стал на колени Кирей, мякно присножая приклад к плашу. Левый локоть сам уперся в мякото ноги.

— Стой! Кто?—рванул натянутую тишину мало знакомый голос от того места, где должен был быть Кустров.

— Трещай!—ответила куча залпом.

«Стреляют... Шест, ай, сем!»—сверкнуло в сознании Кирей.

Не видя музыки, но чувствуя, что ее промачнется, он поспал пулю в середину кучи. Вторая пуля догоняла первую, когда Кирей прыгнул влево и лег, попов в яму. Прижались для стрельбы, он услышал стон, приглушенный говор и тут же залп туда, откуда он стрелял.

«Ага, есть!»—плеснулось в мыслях. Определи по вспыхивающему цели, он раз-раз-разом трижды хвятил в нее свинцом и прыгнул опять влево. Полз, нащупывая укрытие. Перетреск залпов наполнил его волной радости («дурье, рази ж так стреляют?»). Руки сами встали в магазинную коробку новую обойму и послали пятый патрон в казенник.

«Неусли не догадываются, что я один? А што ж Кустров не стреляет?»

— Трещ! Трещ! Трещ!—свернул Кирей выстрелами кучу и вбирал голову в плечи, прижась за укрытие.

Взач—пелануло вокруг. Еще... Кирей замечал в сторону, нащупывая все время под левой рукой ямки прирочной насали. Возле, в повую ямку; прыкнул, куда лучше стрелять. То, что по нем были несколько человек и до сих пор не попали, его успокаивало.

«Так, шас два дам, потом—вправо, откол начал,—рассчитывал Кирей,—на заставе теперь поседали... Тут недалеко... Послая пулю за пулей и бесшумно меня меня, недоумевал: «Чего они стоят? Прижались, у кустов подде берега, он услышал, как на него что-то надвигается.

«Один... Подпустил его. С пяти шагов Кирева винтовка плонула свинцом в бок конному. Лошадь рванула в сторону; большое, тяжелое мякно ступнулось о стежку.

«Есть!»—по привичке хороню стрела порадовался Кирей, но не забыл ткнуться под самые кусты и лечь.

«Чего Кустров молчит? Неважд убил?» Чувствуя себя целым, Кирей не мог этого верить. Два зала кинули его влево и, споткнувшись, он попал рукой в мокрое, теплое—сбитого им конного.

Кирей снул руку в подосумок еще за четвертой обоймой, когда еле слышно затрещала камыш от кордона.

«Ага, наши... Застава»,—заторопился он в веселости и всю обойму расстрелял, перебега, но не ложась. Треск камыша нарастал и мешал разобрать, что делается в куче. Ломашвая камыш помощь выпрямила устающую спину и Кирей, зарядив винтовку, уже не скрываясь, пошел на тропку. Наткнулся на черню, пристыивающую.

«Лошадь убила... Ага, еще значит один»,—сообразил Кирей. Готовый одинаково и выстрелит, и ткнуть штыком, и ударить прикладом, он стараясь разрезать глазами кустарниковую темь.

«Взиз—запело рядом с ухом и осветило одного конного, который, выйдя, прирвал отход.

— Кустрей! окринул сади, лома камышиный край. Кирей, спуская курок, бабахнул в конного и, кидаясь вперед, дико крикнул:

— Здесь!

В крик этот он вложил и пережитую им ночную жуть, и наприжение смертного перетреска, и непопулярность за свою не-

привичку, и сознание, что он не измил командирского достоинства. Кирей схватил лошадь за повод правой рукой, не выпуская из нее шейки приклада. Всадник медленно ввалился ему на штык.

— Ага, спекся... Стоять, оля-а-а...—судорожно-ласково заговорил Кирей с трусившей лошадью, которая два раза попробовала вырваться.

— Стой, дурочка, стой,—совсем успокоиваясь от одного вида лошадиной головы, говорил Кирей.

— Тут я!—обернулся он на конский переплеток и, ведая лошадь в поводу, спросил:—Начальник здесь?

— Я!—ответил с сядла. Кирей передал повод в левую руку, правой приложил приклад винтовки к сапогу, по выкованной в шолле привичке, стал в положе «смирно», подняя голову и почти спокойно начал доказывать:

— «Мною ступи вроде как трое,—заканчивал он,—убита одна лошадь, один захватили. Одна убежала.

— Поймали, вот она,—сказали из-за спины начальника.

— Где живешь?

— Ушли обратно. Самого заднего я убил, вот его лошадь.

— Хорошо,—повернул коня к красноармейцам начальник заставы,—катавай!—Я!—За старшего, с Мозгономым! к левому стыку, лучше осмотреть. Кирюхин! С Сорокиным—к правому стыку... Остальные остаются здесь!»

Названные тронулись рыхлю, начальник спешился.

Кирей передал баннику красноармейцу лошадь и пошел вперед. Красноармейцы тронулись следом.

Кустрова нашли в ямке. Когда зажгли пучок спичек—увидели, что он делится на тропку. Над правой бровью у него, у переносицы чернела дырка. Капелька крови оставила на щеке небольшой след. Левый глаз был закрыт. Правый—уже стеклянный—уперся в мышку. Лицо отсвечивало зеленоватостью.

— Готов,—выпускал воздух проговорил начальник и, обжигая спичками пальцы, глянул на красноармейцев. Они, клонясь с сядла, тянули большезаглазные лица к убитому. Начальник поднялся. По

**мы должны быть готовы в любой момент
к отражению такого нападения,
и с точки зрения этой готовности
необходимо**

просмотреть всю военную работу Ленинского комсомола

А. Носарев (из доклада на IX съезде ВЛКСМ)

его приказанию бойцы спешили, оставили коновода, пошав цепью в овраг. Нашли убитых и стали их обдирать.

— Кури, товарищи, все равно набулганчили,—разрешил начальник, закинул спички и рассматривая следы драки. По следам, по пустым глаздам, по крови он быстро рассказывал, как было дело, и Кирей дивился сметке и опыту начальника. У убитых нашли не-

много: желтое измятое кружево, турецкого табану, с одним душком трубку, рисовую для куревы бумажку, два маузера. Из седельных вьюков вынули немного контрабанды. Было похоже, что ее везли на всякий случай, для маскировки. По всему было ясно, что дело не в этом пустяке, а в более серьезном.

Подъехали посланные к стыкам и доложили, что все спокойно. Начальник оставил на посту двух конных и приказал положить Кустрова на обитую лошадь. Пуля разворотила ему саблю череп. Оттуда на грязный воротник плаща стекал мозг. Кирей с Курановым клали его поперек сады, лицом вниз. Здоровое тело при виде серого крошева протестовало, рассыпая по плечам мурашки. Лошадь пугалась, шаркала. Остающимся по утра начальника приказывали привядывать за убитыми и везла трогаться. Кирей закрыл голову товарища носовым платком и поехал рядом с лошадей, которая кослаась и всхрапывала.

Ночь рождала день. Тучи разбредались. Плохо видный ковш Большой Медведицы уже опрокинулся на рукоятку.

На кордоне Кустрова связали голову снежной ватой к бинтов, освободили от шинели и плаща затвердевшее тело, положили его на стол в апарате. Пограничник, что привез вези Кирей, возле фуражки начал делать гроб. Помощник извальной заставы собрал на гроб куча. Начальник, дождавшись по телефону о происшедшем команданту, сидел у себя. Расправившая Кирей, он писал рапорт. Красноармейцы, тихо ступая, подходили по несколько раз к убитому. Говорили мало и негромко. Начальник после рапорта написал письмо отцу Кустрова—железнодорожному стрелочнику. Кончив писать, он вышел с Киреем в лугунок. Кирей глядел на черное пятнышко принявшего на себя первый залп товарища, переживая снова юную схватку, вспоминая совместно с Кустровым службу.

Жаркий воздух жег лицо Кустрова и оно мертво. Смертельно вдумом говорил, что человека нет, что нить жизни оборвалась, что ему уже ничего не сделать.

После обеда приехал командант. Он долго слушал Кирей, потом сказал, что эту переправу он ждал. Перед строем командант пролил немного света на ночное дело, приказав красноармейцев к еще большей бдительности, поблагодарил Кирей.

Когда за Апаратом занесли в багряные небо, красный гроб с телом Кустрова похоронили неподалеку за кордоном. Вспомнили примерную службу убитого; пожалели, что ему, молодому, не пришлось пожить, поработать; решили назвать заставу именем убитого товарища, скромно звали о своем решении бороться с врагами социализма так же преданно, как убитый.

На свежее насыль могли положить камень, и тут же снарядились, часовые тронулись на посты.

ГОТОВЫ ХОТЬ ЗАВТРА

А. КАЛЬМА

В новой пьесе Вишневского «Последний, решительный», только что поставленной театром им. Мейерхольда, в последнем эпизоде двадцать семь комсомольцев-краснофлотцев и пограничников—гибнут, защищая пограничный пост от нападения имериялистов. Смертельно раненый матрос Бушув выводит из стены многозначные цифры:

— 162 000
270

— И это все? И это конец?—кричит чей-то удивленный голос из зады.

Но нет, это еще не конец.

Пусть встанут все присутствующие в зале старые бойцы—участники войн революции,—говорит со сцены капитан.

И в зале встанут старые красноармейцы, поднимаются чуть тронутые седой головы. Некоторые из бойцов давно уже сняли форму, давно уже бьются за выполнение пятилетки у станков, в учреждениях, на парработе,—но они сохранили военную выправку и теперь молодцевато расправляют плечи.

— Пусть встанут все комсомольцы и члены партии,—возглашает капитан.

С грохотом поднимаются ярусы, галерея, партер. Все встанут на эту почетную переключку.

— И наконец,—кричит капитан,—пусть встанут все, готовые встать на единую Советского союза.

Не осталось ни одного сдающего.

Матрос Бушув подает верный итог: погибло 27 комсомольцев, но осталось еще полтора миллиона, готовых к обороне.

В старые времена сена резко отделялась от жизни. Теперь театр отображает только действительность.

— Смирно!—командует дежурный по штабу.

Ребята, только что осваивавшие работников штаба вопросами и справками, смеются, вытягиваются. Входит командир.

— Дежурный по штабу автомобильной службы юбка, боев второго взвода, четвертого отделения, Воронина,—сыплется скороговоркой.

У дежурного продолжают гимнастерки служат юбка, но здесь это никого не смущает. В авторотах завода «Амо» парни и девушки «отбывают службу» на абсолютно равных правах.

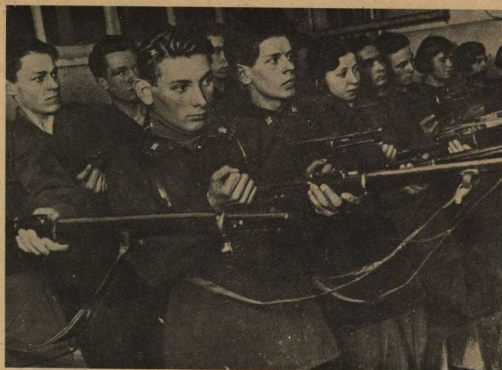
Авторота комсомола «Амо» существует уже давно, но всего год с небольшим, как она стала настоящей боевой единицей. Разные это была неорганизованная группа молодежи, собирающаяся для загородных экскурсий или для первомайских парадов.

Завод «АМО». Тренировка звонит комсомольцев

будущая война—
война классовая!
 пока осталось время,
 каждый комсомолец,
 каждый молодой рабочий,
 каждый молодой крестьянин—
 тренируй себя,
УЧИСЬ,
 как победить
 классового врага
 в открытых схватках,
 на фронтах
 будущей
 гражданской войны

А. Иосифов (из доклада на IX съезде ВЛКСМ)

Комсомольцы и рабочая молодежь на стрелковых занятиях в автодизелином заводе «АМО»

Комсомолец Наугольный, назначенный воспитателем ячейки и командиром роты, круто, по-военному взялся за дело.

— Нужно было потратить много сил, чтобы привлечь ребят, разочаровавшихся в старой постановке военной учебы в автороте, — говорит Наугольный.

У командира круглое, скуластое румяное лицо и глаза буравчиками.

Мы сидим в ячейке в час обеденного перерыва, и Наугольного то и дело берут на обордаж.

— Наугольный, я прошусь в технический взвод. Переведи.

— Товарищ командир, когда похода?

— Что слышно насчет «Нами»? Получаем или нет?

Замаскированный парнишка в кожаной безрукавке добивается, чтобы ему выдали военный билет.

— Однако, серьезно у вас дело поставлено, — отмечаю я.

— Разумеется, не в игру военную играем, — отвечает Наугольный, — у нас ведь не потешное войско Петра I, а настоящая учеба.

И он рассказывает о том, как работает и учится автороте. Собственно, сейчас на «АМО» три автороты, в которых обучается около 500 комсомольцев, в том числе 100 девчат.

Роты разбиты из отдельные взводы. Есть взвод связи, технический взвод, учебный. Задача автороты — подготовить боевых авто-вело-рабочников. Сначала проходит военную учебу: стрельбу, тактику, метание гранат, устав и т. д. Потом переходят к изучению машин. Принцип учебы — от практики к теории. Сначала учатся управлять автомобилем, потом изучают маскировку, топографию, военную эксплуатацию машин. Пока пользуются машинами испытательного отдела, но ребята мечтают о покупке своего собственного легкового автомобиля.

— Стоимость в одну пятилетку отработаем, — заявляют бойцы.

Машину здесь любят все. Любознато изучают мотор, под руководством шоферов «АМО» проходит ремонт. У автороты своя форма защитного цвета с петлицами автомобильных частей, свой военский билет, свой устав.

— За год ребята крепко вросли в это дело, — говорит Наугольный. — Из своих же парней готовим комсостав, выпускаем помощников комсоставов. Только стараемся выдвигать на командные должности квалифицированных рабочих. А то, если человек на заводе подметает сор из-под станка, а в роте он — командир, так его, разумеется, никто слушать не будет. Ничего авторитета.

Администрация завода, состоящая почти сплошь из бывших участников гражданской войны, старых бойцов, идет молодежи навстречу. Заводоуправление отведо авторотам комнаты под штаб и под военно-учебные кабинеты. Военная учеба начинается после работы на заводе.

— Не мешает ли это заводской работе ребята? — спрашиваю Наугольного.

— Мешает? Наоборот. Дисциплина автороты переносится и в цех. Работа идет дружнее. Ребята, связанные по автороте, соединяются в ударные бригады, в производственные коммуну на заводе. Авторотушнику неудобно быть прогульщиком или лодырем. Он старается подтянуться сам и подтягивает других.

— Тру-тру-у, — зашел сигнал горниста.

Темно. Холодно. Ребята свились, арандиз девчат, уговаривали их остаться дома, не ходить в поход, Роте предстояло пройти 14 ки-

Командир и организатор автодизелина «АМО» тов. Наугольный и тов. Рогов разрабатывают план похода дивизиона

лометров. Была и цель — пережить быстрее, количеством бойцов и дисциплинированностью другие взводы. Вышли в полном порядке — в формах, с винтовками. Переход был трудный, кое-где приходилось идти по носу в воде. Но весь путь взвод прошел с песнями, в ногу, и никто не пожаловался ни на усталость, ни на трудность дороги.

Командиры и ребята предлагали девушкам поднести немного винтовок, но те приняли это как оскорбление. Потом оказалось, что одна из девушек — Баруздина — отправилась в поход облынная, и она ни разу не отдавала винтовки. Весь путь прошли в два часа. Первое место заняла 4-я взвод, выставивший больше всех бойцов. Из похода вернулись усталые, но довольные, и целым взводом отправились в кино.

А на завтра в цехах только и разговоров было, что о походе и о поведении отдельных бойцов.

На годичном юбилее автороты бойцы пустили среди гостей подписной лист готовности к обороне. В случае попытки интервенции, — говорилось в листе, — дивизион будет тотчас же готов к выступлению в бой. Комсомольские автороты «АМО» дадут Красной армии хорошо обученных и подготовленных бойцов.

Лист вдоволь и поперег был покрыт подписями присутствовавших. И каждый вместе со своим именем ставил свое усмьсле и свою жизнь.

вопрос
О ВОЕННОМ ОБУЧЕНИИ
надо поставить
ТАКИМ ОБРАЗОМ:

ТОТ КОМСОМОЛЬСКИЙ АКТИВИСТ
НЕ АКТИВИСТ И ТОТ КОМСОМОЛЕЦ
НЕ КОМСОМОЛЕЦ,
КОТОРЫЙ НЕ ЗНАЕТ
САМЫХ
ЭЛЕМЕНТАРНЫХ
ВЕЩЕЙ
ИЗ ОБЛАСТИ ВОЕННИЗАЦИИ

балдобаевщина

В мертвой тишине, во тьме непроглядной, прислушивался к ударам сердца. Федор будет ждать техника хотя бы вечность — дисциплина. Вспомнил сегодняшней наряд:

Вот он бежит, отстав от своей бригады, бежит, спотыкается.
— Эй, как тебя?
— Кто?
— Срочная работа. Иди на 6-ю западную продольную первого уклона и жди там меня — будем путь переставлять.
— А моя бригада?
— Я тебе приказываю, я зав. участком, техник Иван Васильевич.

Сколько бы еще просидел Федор, трудно сказать. Его нашел газовый десантник.

— Кто здесь?
— Я.
— Да чего тебя занесло на выработанную продольную?
— Послал Иван Васильевич, техник.
— Иван Васильевич? Нет такого на участке.
Три шахтера спешили к стволу. Восемь часов работы по породе отнимают много сил, но когда идешь на — гора, в реальную жизнь, ноги переходят в бег, тяжело раздвываясь, дышат легкие.

— Ну чего там?
— Не грубить. Кто хочет сверхурочно работать?
Сверхурочная работа — дело тяжелое, ее применяют только в исключительных необходимых случаях. Что делать парню, у которого нет еще ботинок, рубахи, у которого нехватает на жизнь. Да, они эти три новоприбывшие рабочие, будут работать.

— Работа не тяжкая, пойдете...
Шли по главной штреку.
— Трубы необходимо перетаскать к стволу... Поскорее... По два рубля на душу хватят?

— Согласны...
— Ну так качайте. Кто спросит, скажите, — техник Иван Васильевич велел.

Кинела работа, трубы на плечах ребят быстро перелетали из глубины шахты к стволу. Работали дружно, на седьмую.

— Куда это вас черти несут?
— Чего чертишь, трубы ташим.
— Брось немедленно обратно.
— Иван Васильевич велел.
— Какой там чорт Иван Васильевич? Трубы сегодня привезли прокладывать для сжатого воздуха.
— Ты нам не начальство, Иван Васильевич...
— Я тебе, сволочь, дам начальство. Ты что же, уклон думаешь без воздуха останит?
Партия забурилась. Вагон вез в угол паря, сошел с пути, остановка.

Когоно, старый хулиган, шахтный держиморда и «чудак-тарен» Ваня Балдобай крикнул проходившей группе шахтеров:
— А ну подогни.

Два молодых паренька из добровольцев-комсомольцев нехотя уперлись в вагон. Не берет.
Ваня гадже насмешливо.

— Эх, вы, коса... Бери за «колбасу». Так. Теперь качай... взад, вперед, взад, вперед... Так... Подымается... Вы качаете, а мне легче поднять...

— Ну, го-го...
Балдобай, без труда «члпнув» вагон, поставил его на путь. А в душе смеялся. Крутить «колбасу» — это смех, анекдот. Крутите час, две, неделю — забуренную партию не поставите. А доверчивым новичкам сказал:

— Вот так всегда подымайте, один крути «колбасу», а другой «чапай».

Смена только начиналась и Балдобай разыгрался. Издавна вошло у него в привычку жестоко издеваться над новичками. Давать неслезные приказания, под шумок испугать, ударить.

— Ваня Балдобай — гроза «эозюков», — говорили на шахте.
Он сидел и ждал встречной партии, когда к нему подошел шахтер небольшого роста.

— Не знаешь, далеко до третьего брамсберга?
— Далеко, а ты кем работаешь?
— Глевищик.

— Давно на шахте?
— Четыре дня.

— Ну так вот, брат, пойдй назад в «буфет», сидят там когоноги, попроси у них «выволочку», скажи, что Балдобай «забурился»...

Дали «выволочку». Многие новички, не привыкнув к подземным шахтерским терминам, верят, что есть такой инструмент «выволочка» для поднятия забурившихся вагонок. Хулиганы шахты знают этот термин. Старый шахтер не пойдет просить «выволочку», а молодой услужливый товарищ получит действительную выволочку — в морду, в живот, по плечам. Дать «выволочку» несколько не считалось преступлением.

В светлой камере лебедки у мотора на деревянном помосте разлеглись конюшны, литовые. Тут же сидел дорожный с топором и костылями. Смена только началась, следовало нечего и ребята, с трудом подвывая шум, наблюдали:

— Да нет, вот тут.
— Уже?

— Да вот здесь.

— Здесь? — ткнул себе в нос молодой новенький литовый.

— Вот тут, конечно, — засмеялся Балдобай, — давай я.

Он обхватил парня за шею и ногтем пальца царапает литовую нос. Парень кричась, морщится.

Крик, смех наполнили лебедку. У несчастного литового пока-залась из расщепленного носа первая капля крови.

— Убил ребят, Балдобай!

— Ну и чудит!

— Чорт, а не парень!

— И грязь никакой не было, подвел.

Многие новички шахтеры, испытав на себе прелесть балдобаевских шуток, бросали шахту, усебали от нее, как от чумы.

Двух молодых «лампоносов» он, под видом распоряжения техни-ка, заставил сидеть в выработанной продольной 18 часов. Шатеры, высланные на поиски пропавших лампоносов, нашли их в темноте с выгоревшими лампами.

— Кто вас сюда посадил?

— Техник...

По темному штреку, мерцая лампочками, пригнув головы, шли три—четыре шахтера.

Монотонно шумит канат бесконечной тяги. Прячьте головы от калита. Ниже, в сторону—можно остаться без уха, расшибить череп.

Шумит тяга, идут трос. Нет, четверо.

Медленно, железным прутком Балдобай оттянул канат.

Шахтеры предупредительно перебежали на другую сторону штольни. Резкий удар в шею, в голову, по плечам повалил их.

Ха-ха-ха, ха-ха-ха...

Двое из пострадавших с окровавленными головами выехали на гора. Двое других напрасно искали Балдобая, прихрамывая на ушибленные ноги.

Не спеша идут вагончики по штреку, поблескивают лампочками шахтеры, шумит вентиляционный воздух.

— Максим, что ты делаешь?

— Рольки держу.

— Что за дурачество? В нем полтора пуда веса. Брось!

— Приказал держать над собой Иван Васильевич, он замерять будет.

— Какой Васильевич?

— А он он пошел.

Волода Черный, комсомолец и руководитель бригады молодых комсомольцев, знал о балдобаевых продажах. Но тут взбесился. Новых ребят, мобилизованных? Ну, сволочи!

Бежал, спотыкаясь о шпалы. Иван Васильевич усидел шаг. Володка за ним.

— Так ты кто?

— Иди, гад, а то лампой шпалку и пойдешь, комса несчастная.

«Сегодня показательный суд над Балдобаем».

«Вон из шахты вредителей Балдобаев».

— Это Ваньку, што ль?

— Его,—сказывают наемники трех ребят—было не убий.

— Так это ж он подпер вентиляционные двери в прошлом году.

— Скаывают, что он.

— Придешь на суд?

— Обязательно...

«Сегодня суд над Балдобаем».

— Сколько лет?

— Двадцать три.

— Где родился?

— В Курской, в селе Липочка.

— Давно на шахте?

— С 1922 года.

— Почему ты вредил на шахте?

— Я не вредил, я только шутник.

— Почему ты не в комсомоле?

— Не хочу.

— С деревней своей связь имешь?

— Письма получаю.

— А отец твой кто?

— Крестьянин.

Две тысячи молодых, старых, женщин, девушек, подростка напуганно слушали допрос Балдобая.

Кто его не знает? Балдобай—это зло. Это худший вид хулиганства. Он бил, «организовывал» скандалы, «шутил» над новичками.

Кто он? Бодень наш, или...

Председатель суда, Ефим Илларионович Васильев—кавалер ордена трудового знамени, он же руководитель соревнующихся бригад, отключился и с занавеской прочел:

«Справка. Бодяга Липованский сельсоветом, Штерговского района. Балдобаев Иван Семенович, сын Балдобаева Семена Митрофановича, имеющего в нашем селе Липовичи свое зажиточное хозяйство, лишенного с 1925 года права голоса».

Сын его, Иван Балдобаев, ушел в Донбасс в 1922 году. На селе у нас славился, как пьяница, хулиган и насильователь девок. Права голоса у нас лишен не был».

— Так, значит, в комсомол не хотел?—завыл Васильев.

Балдобай молчит. Его маленькие свиние глазки смотрят мимо председателя, сквозь стены театра, куда-то далеко. В зале шумно жуются, изредка слышен громкий голос. В зал Балдобай не смотрит, он знает: его глаза будут жечь горящие буквы плаката: «Балдобаевщина—пугало шахтеров. В шею Балдобая из шахты».

«Его колесистая грудь как бы впадала. Орел, тушью накомольный на груди, как-то трусовато выгляделывал из-под спортивного».

— Виновыми признаешь себя?

— Шутню...

— Завел?

— Так, от скуки...—и снова его взгляд смотрит мимо, сквозь окна, в далекую ночь. Родная деревня, ядреное хозяйство отца, жирные поля урожайные, масляная жизнь и, как польня в сахаре, как деготь в меду, как иглы в пуху—комсомольцы. Комсомольцы... Они встоду первые, они встоду против его отада. Еще не успел как следует разглядеть свою молодость Ивана, а уж комсомольцы про него чашушки.

На шахту ушел—комсомольцы. Они и здесь были такие же шутные, всевидящие. Многих «кутил» он своими выходками, многих подкупал шуткой и под шумок, в темноте шахты издевался. Комсомольцы... Они окружили Ивана, выгнали из села, они пляжут над ним, смеются. Казаюсь, из каждого угла, с потолка, из-за стола смотрели на него эти горящие, ненавидящие глаза. Ими наполнен зал, ими наполнены деревни, шахты... Комсомольцы...

— Балдобаевщина—это не шутка, это не ивинная продажа расхулиганявшегося поколения. Это он своими шуточками наносил удары шахте. Он отпугивал новых людей от шахты, темных деревенских ребят подбивал канатом, людей заставляя бесцельно переносить породу с места на место. Балдобаев—это враг, порок. Он запер двери вентиляционной, на канате увозил лампочки шахтеров. Товарищ, многие из нас видели его продажу. За невинные шуточки считали, а он рос, окружая себя сворой хулиганов из наших же ребят.

Получив чек на расчет, Балдобай с развалкой подошел к окну кассира, сгреб расчетные 51 р. 63 коп., сунил в карман, медленно вышел из конторы, двок отключил на вертящихся шахтные шпалы, нетерпеливо оглянул снующих шахтеров, отключил воротник кожанки и не спеша пошел по улице вдоль поселка.

Куда теперь?

**механизация
и моторизация
красной армии—**

**ОСНОВА
укрепления
обороны страны
советов**

**КОМСОМОЛЕЦ
К МОТОРУ!**

**КОМСОМОЛ
создавай колонны
боевых шестиколесных
машин**

ГОТОВЫ ЛИ МЫ СТАТЬ ПОД РУЖЬЕ

А. КОСАРЕВ (из дневника на IX съезде ВЛКСМ)

В чем недостаток военной работы Ленинского комсомола?

Основной недостаток заключается в ее низком качественном уровне — изредка строй, шестово, изредка кампания в помощь Осоавиахиму, изредка так называемые походы, маневры, которые превратились в увеселительную прогулку. Военная работа это не увеселительная прогулка, а серьезнейшая проблема.

Здесь надо совершенно прямо заявить, что директива о всеобщем военном обучении комсомола (постановление ЦК) не выполнена. Мы должны заявить, что это большой недостаток, крупнейший промах.

Нужно не только заниматься походами, маневрами, нужно, чтобы каждый комсомолец имел определенный минимум военных знаний, т. е., иначе говоря, обязанностью каждого комсомольца является знать строй, знать армию, ее построение, а также знать один из родов оружия.

Вторая задача — в помощь Осоавиахиму создать из рабочей молодежи кадры для различных механических моторных частей, начиная с авто-броневых и кончая авиационными.

Третья задача — научить комсомольцев отдельным отраслям военного искусства. Один комсомолец интересуется артиллерией, пусть серьезно готовится к этому и серьезно изучает газы, их применение и защиту от них, кто хочет быть кавалеристом, кто пулеметчиком, кто бомбометчиком — каждый должен серьезно готовиться.

Вот как нужно ставить сейчас вопрос о военной работе. Тот, кто этого не делает, тот сам себе враг.

Каждый молодой рабочий, каждый молодой колхозник, каждый трудящийся должен не сторониться, а научиться владеть пулеметом, винтовкой, должен знать строй своей армии, должен уметь участвовать и побеждать в бою. Это мы должны сейчас довести до сознания всей рабоче-крестьянской молодежи страны Советов. Каждый молодой трудящийся должен квалифи-

Связаны за работой

цироваться в той или иной отрасли военного знания, должен знать тактику боя. Мне вспоминается такая картина. В 1919 г., когда Юденич наступал на Ленинград и находился от него в 6 верстах, ставился вопрос: сдавать город или не сдавать.

Партия и совет постановили — не сдавать. Взял нас, — а нам было тогда по 13—14 лет, — дали в руки по гранате и говорят: «Кидать нужно так, ложиться нужно так, завтра Юденич будет в город входить, там так-то укрепления, там вот дома, где окна завалены мешками с песком чтобы пули не пробивали, и вот вам туда надо залезть, и когда он начнет наступать с Балтийского вокзала, вы давай его гранатами забрасывать».

Нас учили тогда, когда враг наступал. Нас тренировали к уличному бою.

Я это вам вот почему говорю — далек ли враг? Польская граница близка, поляки первыми наступать начнут, а они рядом. Вот спросите

комсомольцев Белоруссии, они ощущают их злобное дыхание повседневно, но они однако не проходили и не готовились к тактике уличного боя. А ведь драка неизбежна, и в ней мы должны победить. Каждый из нас должен изучить одну отрасль военного знания в совершенстве, пусть это будет его военной квалификацией.

Неприятно, конечно, ставить себя в позу унтер-офицерской вдовы, которая высекала сама себя. Но я думаю, что мы должны найти у себя волю, чтобы самих себя высечь, потому что дело с военной работой у нас обстоит из рук вон плохо.

И речь т. Ворошилова по этому вопросу является совершенно справедливой. Дальше такое положение не может быть терпимо. Оно требует немедленного исправления. Уничижить относительную военную неграмотность союза — вот, товарищи, первоочередная задача комсомольской работы после IX съезда.

**25 ФЕВРАЛЯ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ДЕНЬ
БОРЬБЫ
С БЕЗРАБОТИЦЕЙ**

ИЗ 25 МИЛЛИОНОВ БЕЗРАБОТНЫХ, ЧИСЛЯЩИХСЯ В ДЕКАБРЕ 1930 ГОДА, НЕ МЕНЕЕ 6 МИЛЛИОНОВ ПАДАЕТ НА МОЛОДЕЖЬ. ПРИ ЭТОМ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ БЕЗРАБОТНАЯ МОЛОДЕЖЬ СОВСЕМ НЕ ПОЛУЧАЕТ ПОСОБИЙ, а в европейских странах получение пособий до определенных пределов ограничено.

Достаточно этого сопоставления, чтобы убедиться в разнице благосостояния рабочих и молодежи у нас в стране, в сравнении с положением рабочих на Западе все больше ухудшается.

(Л. НАГАНОВИЧ)
из доклада на IX съезде ВЛКСМ

Войны не хотим
к отпору
ГОТОВЫ!

